

ЯН ВАЛЕНТИН

ЗВЕЗДА
СТРИНДБЕРГА

Ян Валентин

Звезда Стриндберга

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614575

Звезда Стриндберга: РИПОЛ классик; М.; 2011

ISBN 978-5-386-02797-1

Аннотация

В заброшенной шахте в Центральной Швеции дайвер-любитель находит труп мужчины, который погиб, как минимум, сто лет назад. В руке мертвец судорожно сжимает крест в форме египетского иероглифа Анх.

С этой смерти начинается история поиска таинственного ключа, позволяющего найти вход в подземный мир, хранящий в себе всю правду о мироустройстве.

Историк Дон Тительман, случайно замешанный в этой истории, начинает собственное расследование. Поиски египетской звезды Себа, недостающей части вожделенного ключа, ведут его в самое сердце Арктики по следам погибшей экспедиции Нильса Стриндберга.

Сумеет ли он, пройдя через множество опасных приключений, докопаться до истины?

Содержание

Приглашение	4
I	8
1. Niflheimr	8
2. «Далакуруирен»	31
3. Ритуальное убийство	41
4. Бубе	48
5. Медный купорос	58
6. На свету	72
7. Тайна	78
8. Трасса E-4, северное направление	89
9. La Rivista Italiana dei Misteri dell'Occulta	97
10. Дон Тительман	117
11. Сольрёд Странд	129
12. Допрос	135
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Ян Валентин Звезда Стриндберга

Самуэлю, Лидии и Генри

Из дневника 1896 года.

13 мая. Получил письмо от жены, в газетах сообщается, что господин С. собирается лететь на воздушном шаре к Северному полюсу.

Я указал ей, что это ошибка, что сын моего двоюродного брата твердо решил посвятить жизнь большой науке.

Август Стриндберг, «Инферно»

Далеко то, что было, и глубоко – глубоко: кто постигнет его?

Еккл. 7–24

Приглашение

Физиономия и в самом деле порядком поизносилась, и скрыть это не могли никакие ухищрения телевизионной визажистки. Не меньше пятнадцати минут она возилась с кисточками, губками, персиковой минеральной пудрой и еще какими-то притираниями. Под конец водрузила на него большие тонированные очки, и темные круги под глазами

неожиданно сделались семужно-розовыми. Контраст розовых подглазий с землисто-серой кожей щек выглядел, мягко говоря, сомнительно.

– Вот так, Дон. Сейчас они за вами придут. Она улыбнулась ему в зеркало, выпятила нижнюю губу и одобрительно покивала – лучше и быть не может. Даже похлопала по плечу. Но он-то точно знал, что она думает. *A farshlepte krenk...* старость – болезнь неизлечимая.

Наплечная сумка лежала на полу, бессильно притулившись у ножки вращающегося кресла. Когда гримерша вышла, Дон воровато нагнулся и начал копаться в бесчисленных баночках и конвалютах. Наконец выудил две круглых таблетки, двадцать миллиграммов стезолида. Распрямил спину, положил таблетки под язык и посмотрел в зеркало. Минутная стрелка на часах за спиной нервно дернулась и передвинулась на одно деление. Без двадцати шести семь. На рабочем мониторе в углу дикторы бормочут утренние новости. Через одиннадцать минут в эфир пойдут диванные посиделки.

В дверь постучали. На пороге появился здоровенный парень:

– Это здесь, что ли, гримируют?

Дон кивнул. Парень уперся руками и ногами в дверную коробку и стал похож на известный рисунок Леонардо, только вписанный не в круг, а в прямоугольник.

– Мне скоро в четвертую, так что пора бы и мной заняться. – Он сделал пару шагов по грязно-желтому пятнистому линолеуму и уселся рядом с Доном. – А вы тоже в четвертую? Мы, похоже, на пару?

– Похоже на то.

Детина резко наклонился к нему. Стул под ним жалобно застонал.

– Я читал о вас в газетах. Вы какой-то там эксперт или как?

– Не совсем моя область, – промямлил Дон. – Но... я постараюсь.

Он встал и снял пиджак со спинки стула.

– А в газетах пишут, что вы в этих делах собаку съели.

– Кому же знать, как не им...

Дон надел свой вельветовый пиджак и попытался накинуть на плечо сумку, но парень уловил иронию и удержал его руку:

– Зря вы так... Это же не кто другой, это же я все нашел! Ну там, в шахте... И в конце концов... – Он поколебался немного. – В конце концов, хорошо бы вы мне помогли, я сам не разберусь.

– В чем?

– Тут такое дело... – Парень покосился на дверь и перешел на шепот: – Я нашел там кое-что еще. Это тайна, можно сказать.

– Тайна?

Детина притянул Дона к себе за ремень сумки:

– Эта штукавина лежит у меня дома, в Фалуне... вот приедете ко мне на дачу и...

Он внезапно замолк. На пороге появилась ведущая в бежевом английском пиджаке и длинной юбке.

– О-о... я вижу, вы уже познакомились. – Она принужденно улыбнулась. – Вот и замечательно. Но, как говорится, труба зовет. Наговоритесь потом.

Она повела их по коридору. В глаза бросилось красное табло: «Идет передача».

– Дон Титель... Дон Тительман, прошу сюда.

I

1. Niflheimr

С каждым шагом резиновые сапоги увязали все глубже, ноги совершенно одеревенели от усталости. Но Эрик Халл знал – теперь уже близко.

Высокий и мощный, как Шварценеггер, да еще с тремя рюкзаками с дайверским снаряжением – ничего удивительного, что мокрый и податливый, как губка, мох не удерживал его веса. Странно, как быстро упал туман. Когда там, на стоянке, он захлопнул багажник, опушка леса за кюветом выглядела светлой, уютной и даже заманчивой. Но теперь, всего час спустя, мелкий кустарник был укутан молочно-белой дымкой.

Строй деревьев внезапно поредел. Эрик вышел на поляну и остановился в нерешительности. Сегодня все выглядело по-иному. И еще этот зловещий саван тумана, колеблющийся на увядшей траве.

Он увидел остатки старого забора. Полусгнивший кривой штакетник был похож на предупреждающе поднятые пальцы – дальше начинался крутой спуск к шахтному колодцу, и только внизу, у самого провала, была небольшая горизонтальная площадка.

Осторожно, опираясь на каблуки, Эрик спустился по скользкому склону и выключил GPS-навигатор. Сбросил тяжеленные рюкзаки и потянулся.

Ему живо представилось, как расправляются просевшие под тяжестью ноши межпозвоночные хрящи.

Пронизывающий холод... впрочем, накануне было не теплее. Рюкзак с двумя баллонами и компенсаторным жилетом так и лежал там, где он его оставил накануне. Вонь ничуть не уменьшилась. Он принялся – запах падали. Наверное, где-то поблизости сдохла косуля.

Из-за тумана было трудно различить детали, но глаза постепенно привыкли. Он подошел к краю шахты и посмотрел вниз. Примерно на тридцатиметровой глубине торчали старые крепежные бревна. Они напомнили ему редкие почерневшие зубы, будто он заглянул в рот несчастного, опустившегося старика.

Эрик отошел от края шахты и перевел дыхание. Уже в нескольких шагах запах был заметно меньше.

Молодец, похвалил он себя. Найти заброшенную, нигде не обозначенную шахту и на следующий день вернуться на то же место в этой чертовой темноте – не каждому по плечу.

Одно дело – с помощью навигатора добраться из Фалуна до Сундборна или Согмюры, и совсем другое – найти не значащееся ни на одной навигационной схеме место в этих безлюдных краях.

Заброшенные шахты обычно указаны на картах – это забота землемеров из Горного управления. Но не эта. Про нее, похоже, просто забыли. А он нашел. И не просто нашел – припер сюда все снаряжение.

Эрик расстегнул молнию на первом рюкзаке и вздрогнул. Только сейчас он обратил внимание, насколько тихо вокруг.

Он даже не заметил, как подкралась эта тишина. Поначалу доносилось гудение автомобильных шин – звук еле слышный, но все же достаточный, чтобы одиночество не казалось таким жутким. Где-то стучал дятел, в подлеске шуршало мелкое лесное зверье, а в кронах деревьев то и дело вспархивали птицы.

Потом лес погрузился в туман, и он уже ничего не слышал, кроме собственного дыхания и хруста веток под ногами.

А теперь – ничего. Полная, оглушительная тишина.

Нет, кажется, не полная. Тихое жужжание мух – они уже начали собираться вокруг него: вдруг удастся чем-то поживиться?

Мухи будут разочарованы. Ничего съестного. В первом рюкзаке альпинистское снаряжение – бухты канатов, карабины, крепежные болты и крюки. Батарейная дрель, грудная обвязка (так называемая сбруя), наручные лампы. Комбинированный титановый нож: с одной стороны режущая кромка, с другой – пила.

Он выложил все это на пожухлой траве – получилась изрядная куча. В боковом кармане, упакованные в твердый

футляр, лежали финские приборы: глубиномер – он должен знать, на какой глубине он находится в затопленной шахте, – и клинометр, чтобы определять угол наклона подземного хода. Компас он не взял – в рудной породе компас бесполезен.

Мух становилось все больше, они кружились вокруг его головы, как призрачный грязноватый нимб. Эрик раздраженно отмахнулся. Из следующего рюкзака появились на свет регулятор и длинные шланги. Навернул редуктор, проверил давление в баллонах и сделал несколько шагов назад. Мушиный рой, помедлив, вновь метнулся к голове, окружив ее, как сеткой.

Он снял зеленые резиновые сапоги, камуфляжные брюки и ветровку. Отмахиваясь от облепивших лицо и шею мух, открыл последний рюкзак. Подводный компьютер, шахтерская лампа... ворсистое нижнее белье и отливающий антрацитовым блеском сухой водолазный костюм. Трехслойный ламинат, специально приспособленный для зимних погружений.

Сначала белье. Потом с трудом, суча ногами, он натянул нижнюю часть гидрокостюма.

Тяжело поднялся и со страдальческой миной стал натягивать верхнюю – левый рукав, правый рукав... с усилием протиснул руки в латексные манжеты. И наконец, неопреновый капюшон. Теперь мухам остались только глаза и верхняя часть скул.

Отрегулировал пояс и проверил наручные лампы.

Теперь пришла очередь мешка с ластами и маской. У края шахты так пахнуло сероводородом, что Эрик едва не отказался от всего предприятия. Но все же пересилил отвращение, замкнул на петле карабин нейлонового каната и начал медленно спускать мешок вниз.

Сорок метров... пятьдесят... он отсчитывал метры, а мешок продолжал спускаться, то и дело наталкиваясь на стены шахты, – неравномерные толчки передавались через нейлоновую веревку. Хорошо, что он догадался сунуть маску между ластами. Разбиться не должна. Лишь через несколько минут натяжение каната ослабло – мешок, очевидно, достиг поверхности воды. Далеко, далеко внизу.

Эрик закрепил свободный конец на выступе скалы и принес скалолазное снаряжение и крюки. Вернулся к провалу. Преодолевая упругое сопротивление гидрокостюма, неуклюже встал на колени и достал из мешка дрель.

Натужный вой перфоратора разорвал наконец томительную тишину. Он закрепил первый крюк и подергал. Должен выдержать. Еще один взрев перфоратора, еще один крюк.

Когда все было готово, Эрик взгромоздил на спину пятидесятикилограммовый рюкзак с баллонами, надувным жилетом и шлангами. Даже он, с его гротескно накачанными многодневными тренировками ногами, слегка присел от тяжести стальных цилиндров.

Он затянул ремни сбруи, проверил несколько раз канат

для спуска с автоматическим стопором. Зажмурился, открыл глаза и шагнул в пропасть.

* * *

Любому пользователю Сети не составит труда отыскать нерезкие снимки «Urban Explorers» в Лос-Анджелесе – эти парни без всякой карты пробирались, километр за километром, по городским клаустрофобическим клоакам. Можно найти сайт итальянцев, постоянно спускающихся в общество крыс и городского мусора в древних катакомбах. Русские рассказывают об экспедициях в забытые подземные лабиринты времен ГУЛАГа. Ну и, конечно, шведы – те предпочитают затопленные полуразрушенные шахты.

Одна группа называется «Дайверы из Баггсбу», их база где-то недалеко от Бурленге. Потом есть еще «Груф» в Йевле, «Вермланд Андерграунд». Еще несколько групп в Карлстаде и Умео. И еще чудики вроде него самого, Эрика Халла. Эти занимаются дайвингом на свой страх и риск и не входят ни в какие группы. Обмениваются письмами, советуются насчет снаряжения, ищут шахты, которые стоило бы исследовать. Все они прекрасно знают друг друга. Из года в год – одни и те же люди... главным образом парни. До последнего времени подводной спелеологией занимались только мужчины.

Но несколько месяцев назад какие-то девушки начали вы-

кладывать в сеть снимки из затопленных шахт. Они называли себя «Dykedivers»¹.

Никто не мог понять, кто они такие и откуда взялись. На мейлы не отвечали, во всяком случае ему: он несколько раз закидывал удочку, но ответа не получил.

Поначалу на их сайте были только малопонятные нерезкие картинки. Потом появились снимки и даже фильмы чуть ли не профессионального качества. А пару дней назад он обнаружил снимок, сделанный в заброшенной шахте в Даларне.

Две девушки в гидрокостюмах стоят в тесном штреке. Бледные щеки, карминовые губы. Обе брюнетки, распущенные волосы живописно спускаются на плечи. За спиной надпись, сделанная синим спреем: «1 сентября, глубина 166 метров».

Под фотографией – GPS-координаты: где-то поблизости от фалунских медных шахт, всего в нескольких километрах от его дачи.

Затопленную шахту XVIII века мы обнаружили на карте korpargruvan 1786.jpg, спасибо земельному архиву в Фалуне. Под водой масса металлолома и много боковых ходов, в один из них удалось проникнуть.

No country for old men².

¹ Дюке (англ. сленг) – лесбиянка. – Здесь и далее примеч. пер.

² Старикам делать нечего (англ.).

Он продолжал стравливать канат с автоматическим тормозом. Мушиный нимб остался наверху. Здесь, в темноте, Эрик был один. Он старался дышать ртом – запах сероводорода был почти невыносим.

Он словно попал в другой век. Насквозь проржавевшие крепления давно сгнивших лестниц, полузаваленные горизонтальные выработки. Следы кирки и долота. Ему приходилось отталкиваться ногами от стены, чтобы не зацепиться за перекоренные крюки и ржавые цепи. Рыскающий свет шахтерской лампы то и дело выхватывал из темноты непонятные цифры. Он не сразу сообразил, что расстояния указаны в сажнях и локтях.

Права на ошибку у него не было – он был один, без напарника. Он нарушал первый и главный закон дайвинга – никогда не нырять в одиночку, тем более в затопленную шахту.

Никаких неожиданностей не будет, попытался он себя уговорить. Эти балки удерживали вес горы несколько сотен лет, удержат и еще денек.

И все равно – никогда не знаешь, чего ждать от старой шахты. Пустяковая трещинка в породе – и многотонный кусок скалы срывается и летит в пропасть.

Сколько там еще осталось? Он бросил в пропасть осветительную шашку. Всплеск раздался гораздо раньше, чем он ожидал, – зеленые искры брызнули и погасли в черной воде.

Эрик прикинул расстояние – он опустился не меньше чем на семьдесят – восемьдесят метров. Становилось все холод-

ней, на стенах шахты поблескивал иней. Следующая шашка упала на льдину.

Присмотревшись, он заметил небольшую горизонтальную площадку на скале, прямо над водой, в десяти метрах вправо. Цепляясь за неровности в породе, добрался до уступа. Прямо под ним стояла черная, даже на вид ледяная вода.

Эрик присел на корточки и начал понемногу выбирать веревку с мешком со снаряжением. Это потребовало неожиданно больших усилий – здоровенный мешок то и дело цеплялся за льдины. В конце концов он выволок мешок на уступ. Теперь самое главное.

Он достал из кармана гидрокостюма спрей с красным аэрозолем и вывел на стене большие буквы «Э.» и «Х.». Под инициалами написал: «7 сентября, глубина 90 метров».

Потом, вытянув перед собой руку с подводной фотокамерой, сделал несколько снимков. Проверил – надпись за его головой получилась достаточно резко и ничем не перекрыта.

Тут он подумал, что неплохо бы познакомиться с этими девицами. Снял капюшон, пригладил волосы и щелкнул еще пару раз. Посмотрел на результат.

Неплохо... волосы закудрявились от влаги; немного поредели, все-таки уже тридцать, но это вряд ли кто заметит, кроме него самого. А темные круги под глазами... ну что ж, даже романтично, подумал он. Не по ягоду собрался.

Эрик снова опустился на корточки. Пронизывающий хо-

лод и прямо-таки оскорбительная вонь. Никто не знает, что он здесь. Если утонет или задохнется где-то под землей, никому и дела не будет.

В прошлый раз, когда он нырнул при такой же температуре воздуха, оказалось, что клапан регулятора примерз намертво. Эрик до сих пор помнил этот бурлящий поток пузырьков воздуха – как он пытался вслепую нашарить резервный агрегат.

Но даже если не будет никаких проблем с обледенением – что он, собственно, рассчитывает увидеть там, под водой? Видимость наверняка отвратительная. Карты выработок, штреков и туннелей у него нет. Он даже не знал, на какую глубину уходит шахтный колодец.

Может, стоит на этом остановиться? – в конце концов, он нашел шахту, спустился на этот чертов уступ, сфотографировался... Этого вполне достаточно, чтобы девушки заинтересовались и ответили на его письма.

Он собрался с духом.

Тогда какого черта он целый час волок тяжеленное снаряжение? И где-то там, внизу, на глубине 166 метров, должен быть незатопленный штрек – тот самый, где девушки позировали с распущенными волосами и выводили на стенах памятные надписи.

Он расстегнул ремни сбруи.

«Dykedivers» оставили крюки – спасибо, есть где закрепить страховочный трос. Защелкнув карабин, он натянул ла-

сты на шпоры резиновых носок. Надел маску, взял в рот загубник, сделал пробный вдох и, не выдыхая, шагнул в пропасть.

Поглядев вверх, он увидел, как стальной страховочный трос прорезает ледяные напластования на стенах шахты.

Темные стены шахты под водой поглощали свет лампы. Но видимость была на удивление приличной. Конус света доставал даже дальше, чем он мог рассчитывать.

Свинцовые болванки в поясе медленно увлекали его в глубину. Он открыл впускной клапан на груди – воздух под резиновым трехслойным ламинатом давал дополнительную изоляцию. Давление нарастало, к тому же становилось все холодней.

Надо все время шевелить пальцами, чтобы не одеревенели, напомнил он себе.

В мутном конусе света блеснул металл. Совсем рядом, в одной из горизонтальных выработок... Он оттолкнулся ногами от скалы и поплыл туда. Страховочный трос, извиваясь, пополз за ним, как непомерно отросший хвост.

Он посветил наручной лампой. Там стояла довольно большая, не меньше метра высотой, ржавая цистерна с блестящими, не окисленными медными заклепками. Еще какая-то металлическая штукovina, острые зубцы... он пригляделся: циркулярная пила.

От легкого удара зубчатый диск соскочил со сгнившей

втулки, медленно, как во сне, спланировал на дно и тут же исчез, подняв зелено-коричневое облачко ила.

Рядом лежали арматурные прутья. Эрик и их сбросил на дно. Когда ил улегся, он увидел останки рудной тачки.

Он осторожно шевелил ластами. Опять в дело пошла подводная камера. Вспышки следовали одна за другой, выхватывая из зеленоватого опалесцирующего мрака давно забытые инструменты. По назначению их использовали, наверное, лет двести назад. Какие-то, кувалды, долота, странной формы топор... а чуть подальше что-то похожее на рельс.

Эрик погрузился немного и встал на дно. Это и в самом деле был узкоколейный рельсовый путь. Глубиномер показывал 21 метр ниже уровня воды. Даже если учесть, что подниматься надо медленно, времени достаточно. Быстро подниматься нельзя. Такая глубина уже требует декомпрессии.

Эрик поплыл вдоль рельсов – решил, что они наверняка ведут к центру шахты. За спиной его, как в закипающем чайнике, подымались пузырьки воздуха. Ему вдруг показалось, что выработка понемногу сужается. Он опустил ласты, чтобы снизить скорость, и в тот же момент увидел у обрамленного осклизлыми бревнами входа в другой туннель... что это? Похоже на ярко-желтую тряпку, надетую на вбитый в стену крюк.

Он подплыл поближе и направил на ткань свет лампы.

Нет. Не тряпка. Полоска толстого желтого неопрена. Девушки, должно быть, разрежали на куски старый гидроко-

стюм и ставили маячки, отмечая обратную дорогу.

Высота штрека была не меньше двух метров, но вход блокировала ржавая вагонетка. Впрочем, между сводом и вагонеткой вполне можно проскользнуть.

Наверное, здесь и начинается многокилометровая система шахт и поперечных туннелей, но откуда ему знать без карты? Это вполне может быть и слепой штрек. Но «Dykedivers» стартовали именно отсюда. Где-то там, в темных закоулках этого шизофренического муравейника, есть сухое место, где можно снять маску и капюшон и распустить волосы.

Осторожно извиваясь, чтобы не порвать гидрокостюм, Эрик прополз между потолком и вагонеткой и поплыл быстрее. У него есть еще минут сорок пять, даже если учесть, что треть воздуха должна остаться в резерве. Хорошо, решил он, пятнадцать минут, и все. Дальше – поворот на сто восемьдесят градусов и спокойный, без риска, подъем.

Штрек постепенно сужался и забирал вверх – клинометр показывал одиннадцать градусов, и подъем становился все круче.

Всего-то пара сотен метров, подумал он, не больше. Потом туннель наверняка поднимется выше уровня воды, а там, по закону сообщающихся сосудов, есть воздушный карман. Туннель... лучше сказать – туннели, потому что их стало два. Он подплыл к развилке. Левый, похоже, вполне проходимый. Правый... не больше метра в диаметре, тесный, со следами обвалов.

Света лампы хватало сантиметров на восемьдесят, не больше. Но его было вполне достаточно, чтобы разглядеть еще один неопределенный маячок, – значит, девушки выбрали именно этот, тесный туннель. Конечно, тела у них поизящнее, к тому же их было несколько, они могли помогать друг другу в случае чего. Он-то один, а тут даже нет места, чтобы развернуться, – только пятиться.

Он потрогал рукой в перчатке рудную жилу на стене. Повисел немного, наслаждаясь чувством невесомости, – и поплыл налево. Но вскоре пожалел – и этот ход, поначалу такой широкий и гостеприимный, начал сужаться.

Десять метров, двадцать... тридцать. Если расставить руки, кончиками пальцев достанешь обе стены. На сороковом метре он начал задевать стены не только пальцами, но и плечами. Сорок пятый метр. Две железные крепежные стойки почти сошлись, образуя тесный портал. Повернувшись на бок, ему удалось пройти и его, но буквально через три метра он наткнулся еще на пару крепежных стоек. Эти наклонились так близко друг к другу, что одну надо валить, иначе не протиснешься. Он осветил лампой. Левую не сдвинуть, зато правую... можно попробовать. Посадочное место в стальной плите на дне насквозь ржавое – вряд ли этот столб что-то удерживает. Два болта у потолка тоже проржавели и отвалились, но два все еще сидели на месте. Он взялся за столб обеими руками и потянул – стойка сдвинулась. На несколько миллиметров, но сдвинулась. Значит, если постараться...

Он передохнул несколько секунд. Потом направил лампу в темноту. Ничего не видно. Серо-зеленый мрак. Может быть, дальше проход расширяется? Он напрягся и стал трясти столб. Наконец двутавровая балка подалась и повалилась на дно, подняв облако ила и песка. Он сжался и быстро отплыл назад в ожидании, что свод туннеля сейчас рухнет. Но нет, ничего не произошло.

Не дожидаясь, пока осядет муть, Эрик протянул руку и на ощупь определил, что проход более или менее освободился. Как он и рассчитывал, после этого бутылочного горлышка туннель стал шире. Надо поторапливаться. Вполне возможно, этот ход где-то соединяется с тем, что выбрали девушки. За несколько минут он проплыл около ста метров. Сто двадцать, сто тридцать... до воздушного кармана осталось совсем немного, если верить показаниям клинометра, туннель неуклонно шел вверх.

Интенсивно работая ластами, он направлял лампу то вправо, то влево – нет ли еще каких помех? – и чуть не воткнулся в железную дверь.

Металл совершенно проржавел, в нем зияли рваные дыры; удивительно, как эта дверь еще держалась на искореженных временем и ржавчиной петлях. Он заглянул в одну из дыр. Вот в чем дело. Ржавую дверь удерживал не менее ржавый железный засов.

А это что? Известковые отложения?

Он подплыл поближе.

Нет... это не извeсть. Мел. Кто-то написал большими неровными буквами:

NIFLHEIMR

Niflheimr... Что бы это могло значить? Может быть, название шахты?

Как бы то ни было, надо возвращаться. Здоровенная ржавая дверь означала конец его путешествия.

Он приложил руку к двери и слегка нажал.

Как ни странно, дверь подалась. Он нажал посильнее, и петли закрипели. Звук показался ему оглушительным. С крепежными балками надо быть осторожным, но это же всего-навсего дверь. Дверь же не может быть несущей? Он сделал глубокий вдох и обеими руками, насколько хватало сил, уперся в ржавый металл.

Скрежещущий звук. Петли вместе с болтами вырвало из стены, и дверь повалилась. Опять облако ила.

Не дожидаясь, пока уляжется муть, Эрик проплыл несколько метров вперед. Лестницу, начинавшуюся сразу за дверью, он не разглядел. Если бы разглядел, не врезался бы лбом в нижнюю ступеньку, да так сильно, что слетела маска и загубник выскочил изо рта. Ледяная вода обожгла губы, он произвольно вдохнул – и захлебнулся.

Яростным усилием воли удерживая кашель, Эрик с закрытыми глазами отчаянно ухватился за резервный шланг, резко запрокинул голову – и вдруг обнаружил, что его вынесло на поверхность. Отплевываясь и кашляя, он жадно вдохнул

тяжелый, удушливый воздух.

Ему пришлось сделать несколько вдохов и выдохов, чтобы побороть приступ тошноты. Последние ступеньки лестницы он прополз и, обессиленный, упал ничком. Дышать только ртом, приказал он себе, только ртом...

Когда дыхание немного успокоилось, Эрик огляделся, повернулся на спину, еще немного отдохнул и наконец нашел в себе силы сесть.

Где-то отцепился страховочный трос, по которому можно отыскать дорогу назад, безразлично отметил он. Должно быть там, внизу, перед этой чертовой дверью. Но возвращаться назад и искать... какая разница – сейчас или чуть позже. Пусть осядет муть.

Запах гниения был настолько силен, что он никак не мог сосредоточиться.

Он стянул ласты, маска осталась висеть на шее. Туннель продолжался дальше, уходя в темноту. Он с трудом встал и двинулся вперед.

Дно туннеля было на удивление ровным. Не успел он пройти несколько шагов, как наткнулся на еще одно ответвление. Эрик двинулся направо. Через несколько шагов появился еще один боковой ход, но тот был завален камнями, так что оставалось только идти вперед. Господи, опять развилка, теперь надо выбирать из трех! Он зашел в правый штрек, но тут же уперся в тупик. Назад к развилке, те-

перь попробуем левый... откуда этот запах? Запах гниения и смерти.

– Трупный запах, – услышал Эрик собственный шепот и ударил изо всех сил перчаткой по стене, словно хотел отогнать эхо произнесенных слов.

Проход был свободен.

Полусогнувшись, он углублялся в лабиринт. Туннель теперь, судя по всему, шел под уклон, но воды не было. Может быть, уровень воды в ответвлениях шахты разный? А как же закон сообщающихся сосудов?

Изо рта при дыхании вырывались облачка пара.

Эрик посмотрел на часы. Прошло тридцать минут, но казалось, что он в этой шахте уже несколько часов.

Воздух здесь был, по-видимому, очень беден кислородом – ему приходилось каждый раз делать паузу перед глубоким вдохом, но голова все равно болела. Верный признак гипоксии.

На стенах не было никаких следов выработки. С низкого потолка свисали гроздья сталактитов. И холод, собачий холод, проникающий даже под трехслойный ламинат сухого гидрокостюма.

А если ему не удастся отсюда выбраться? Сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь спохватится? И вообще – спохватится ли кто-нибудь? Он снова ударил перчаткой по стене. Свет в наручной лампе заколебался и погас, но потом зажегся снова.

Мать давно умерла... Почему-то Эрик задумался – интересно, что найдут люди, когда придут на его пустую дачу? Доказательства его известности: три газетные вырезки. Первая, совсем коротенькая, сообщала, что Эрик Халл принес школьной команде одиннадцать очков в баскетбольном матче. Вторая, с его фотографией, правда на втором плане и не особенно резкой, – это когда «Курьер Даларны» брал интервью в местной электротехнической компании. И наконец, самое главное – цитата из статьи в крупной вечерней газете, они делали репортаж о рудных шахтах в Фалуне. Там-то его фотография крупным планом... Вот именно, фотография... «Dykedivers» – не забыть самое главное.

Он остановился и, только остановившись, понял, куда попал. Глубиномер показывал невероятную цифру – 212 метров! На пятьдесят метров глубже, чем эти лесбиянки, причем без всякой посторонней помощи!

Непослушными пальцами он открыл крышку баллончика с краской и, стараясь, чтобы не дрожали руки, вывел на стене «Э. Х. – 212 метров». Подумал немного и добавил: «Ad extremum». Красивое выражение, он как-то слышал его по ящику. *Ad extremum* – у самого края, если он тогда правильно понял перевод.

Теперь несколько снимков. На этот раз капюшон он не снял – слишком уж холодно. Проверил, что получилось. Обратил внимание на красные заплывшие глаза в прорезях. Надо ретироваться. Он последний раз осветил лампой на сте-

ны. А это еще что...

Он шагнул вперед.

Да, сомнений нет.

Дверь. Еще одна ржавая железная дверь. Нет, пора возвращаться.

Еще одна дверь, точно такая же, такой же засов, тоже с внутренней стороны. И... надпись мелом.

NASTRÖNDU

Он глубоко вдохнул застоявшийся воздух. Náströndu?

Да какая разница, черт подери! Он уже решил, он...

И все же он толкнул дверь. Петли заскрипели, и дверь с ржавым хрипом открылась.

Эрик перевел дыхание и заглянул внутрь. Сразу за дверью вниз уходила лестница.

Десять минут, не больше.

Он поставил таймер – десять минут, и ни секундой больше! – и шагнул на первую ступеньку.

Винтовая лестница с каждым шагом уводила его все глубже. В конце концов он прошел через неширокий каменный портал, и перед ним открылась... как это назвать? Крипта? Нет, не крипта. Большой грот. Очень большой. Пещера. До свода никак не меньше двадцати метров.

Со сталактитов в уже давно переполненный бассейн капала вода. В центре бассейна – огромный камень, а на камне нечто... какой-то мешок, что ли.

Тяжелый, удушливый воздух... Эрик старался дышать но-

сом, но все равно чувствовал этот отвратительный запах.

Быстро осмотреться – и назад.

И конечно, фотографии.

Эрик пытался двигаться бесшумно, но хруст гравия под ногами многократным эхом отдавался под сводами пещеры. Он остановился и прислушался к ксилофону падающих капель. Надо успокоиться. Свет от шахтерской лампы и наручных фонарей рыскал по стенам. Направо – глухая стена руды с поблескивающими вкраплениями меди до самого потолка. А что слева? Он вздрогнул – ему показалось, что перед ним идеальной формы, почти дворцовый, портал. Он подошел поближе и провел перчаткой по стене – нет, это всего лишь игра теней.

Последний взгляд и... нет, там что-то есть! Снова неровная надпись мелом – на этот раз пишущий не ограничился одним-единственным словом, исписана была почти вся стена. Эрик попробовал прочитать, но не понял ни слова и достал камеру. Несколько вспышек – и он недоверчиво уставился на дисплей.

Бред какой-то.

Возвратившись к лестнице, он вдруг подумал, что неплохо бы захватить какой-нибудь сувенир – как-никак, он побывал в самом сердце горы. В мешке же наверняка что-нибудь да есть. Самое простое – не дверь же с собой волочь.

Вода в бассейне была такой ледяной, что холод пробирал даже сквозь трехслойную ткань гидрокостюма. Подойдя по-

ближе, Эрик заметил, что сверху на мешок наброшено что-то, напоминающее заплесневевшую рыболовную сеть.

Он снял перчатку. Скользкие спутанные серые и черные нити, пропитанные влагой. Приподняв сеть, он увидел запутавшийся в ней предмет. Похоже, какой-то инструмент. Вот и сувенир. Он взялся за рукоятку из молочно-белого, странно блестящего металла и потянул.

Привязан он, что ли... Он сунул руку в переплетения сети. Два или три оборота крепкого каната. Точно, привязан.

Эрик достал титановый нож и перерезал канат. Что-то хрустнуло. Хрустнуло? Что, окаменел, что ли, этот чертов канат за двести лет? Он нащупал еще один виток и полоснул ножом. Снова раздался хруст. Инструмент слегка подался. Надо быстрее кончать с этим.

Эрик перерезал последний канат и вдруг понял, что все это время не дышал. Он перевел дыхание и потянул за рукоятку.

Сначала ему показалось, что это какой-то очень длинный ключ. Он направил свет лампы и понял, что никакой это не ключ, а что-то вроде креста – кроме вертикальной планки, которую он вначале принял за рукоятку, там была еще и поперечная, а над ней – круглая петля.

Обнаженной рукой схватившись за спутанную сеть, Эрик попытался сдвинуть в сторону, чтобы добраться до содержимого мешка. Но сеть была словно пришита. Он напрягся и потянул по сильнее.

Слишком сильно – он это понял, но с опозданием. Весь мешок приподнялся и толкнул его в грудь. Он сделал несколько шагов назад и упал навзничь – мешок оказался неожиданно тяжелым. Голова Эрика оказалась под водой, а когда он неуклюже выбрался из воды и сел, прямо перед собой увидел ярко освещенное шахтерской лампой женское лицо. Глаза мертво уставились на него, а над переносицей зияло круглое отверстие диаметром с монету.

Эрик с отвращением понял, что это были никакие не канаты – он отрезал пальцы, намертво сжимавшие таинственный крест. Его передернуло. Он инстинктивно отодвинулся, но труп, качнувшись, как марионетка, последовал за ним. Он вдруг понял, что сеть, которую он по-прежнему сжимал в руке, – вовсе не сеть. Это ее волосы, чудовищно, неправдоподобно отросшие волосы.

Случайно вдохнув через нос, он почувствовал, что к запаху разложения добавился еще какой-то, очень знакомый запах, напомнивший ему запах нагретого летним солнцем деревянного сарая. Он сразу понял, что это за запах, – это был запах фалунской красной краски³.

³ Фалунская красная – очень популярная в Швеции краска, делается из ржаной муки, воды, льняного масла и медного пигмента, ею выкрашены почти все деревянные постройки. Легко наносится на поверхность, не требует особого ухода и долговечна, служит 10–15 лет.

2. «Далакурурен»

«Далакурурен», курьер Даларны, – газета превосходная. И репортеры превосходные, и политические обозреватели выше всяких похвал – а вот по части новостей... по части новостей дело хуже. По части новостей вряд ли отнесешь ее к ведущим газетам страны. Да и где взять новости в Фалуне? Но заведующий отделом новостей не терял надежды и отвечал на все телефонные звонки.

На этот раз телефон зазвонил в воскресенье, среди дня, точнее сказать, в половине четвертого – самое тоскливое время в редакции, когда приходится заполнять пробелы в номере заметками из какого-нибудь Гагнефа или Хедемуры.

Звонил фотограф-фрилансер. Несмотря на плохую слышимость, заведующий понял, что речь идет о новости мирового класса. Найден труп девушки (*подросток? сексуальное убийство?*). Тело якобы нашли в затопленной шахте (*необычное, особо жестокое сексуальное убийство?*).

Нашедший – то ли ныряльщик, то ли спелеолог – позвонил в службу спасения и, прежде чем разговор прервался, успел пробормотать какой-то ряд цифр. Оператор, впрочем, сообразил, что это координаты GPS. И в настоящий момент все спасатели Южной Даларны рыщут по лесу в поисках шахты – три полицейских патруля, две машины «скорой помощи», пожарники, машина с начальством... в лучшем слу-

чае удастся найти технарей из Горного управления – они, говорят, доки по части всех этих дырок и провалов.

Заведующий отделом сделал несколько кругов по коридорам по воскресному пустой редакции, пытаясь найти хоть какого-нибудь репортера. В конце концов он ухватил за костлявое плечо болтающегося без дела практиканта из Стокгольма.

Через две минуты практикант скатился по увешанной пожелтевшими таблоидами лестнице во внутренний двор, где стояли редакционные машины.

Завотделом помолился про себя и направился к рабочему столу. Интересно, позвонили ли в другие редакции? Он прошел вдоль ряда мерцающих мониторов, где уже начал обретать форму завтрашний номер. Какие страницы переделать? Первую, это ясно... а что дальше? Если происшествие, так сказать, местного значения, это одно; а если и в самом деле сенсация, тогда ей место на первых страницах, освещающих жизнь во всем королевстве.

Что-то он никак не мог сосредоточиться. С тоской поглядел на балкон, облюбованный курильщиками, – сигарета наверняка привела бы мысли в порядок. Тут он заметил в ворохе нечитанных заметок недопитую кем-то чашку кофе.

Заведующий отделом новостей опорожнил ее одним глотком и тут же сплюнул в корзину для бумаг. Кто-то бросил в чашку осклизлый мешочек использованного снюса⁴. Его

⁴ Снюс – популярный в Швеции вид жевательного табака.

чуть не вырвало, но он совладал с собой и начал быстро набрасывать текст для электронной версии «Далакуруирен». Он прекрасно знал, что текст будет тут же подхвачен шведским телеграфным агентством новостей ТТ. Красный флажок на сообщении агентства немедленно привлечет внимание других редакций, но теперь-то попробуйте только не сослаться на «Далакуруирен»! Заведующий мысленно потер руки – попробуйте только!

**ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ:
ПОД ФАЛУНОМ НАЙДЕН ТРУП
НА ГЛУБИНЕ 200 МЕТРОВ!**

* * *

Зажав телефон между плечом и щекой, практикант вел машину по скользкой лесной дороге южнее Фалуна. Прямо перед ним в тумане маячили габаритные огни машины фотографа. Он решил немного отстать – гравий из-под колес летел в лобовое стекло пригоршнями. Вести машину по такой дороге и при этом еще говорить по телефону было, прямо скажем, нелегко. Хорошо еще, что фотограф более или менее ясно растолковал ему конечную цель – где-то здесь должна быть парковка.

Машину занесло, и он выронил мобильник. Тот запрыгал у него под ногами, как котенок, но поднять его, не останав-

ливаясь, было невозможно. Он провел языком по губам – во рту пересохло. Пальцы на баранке побелели – приходилось то и дело выводить машину из заносов.

Наконец они выехали на более или менее ровный участок. Фотограф впереди включил аварийную мигалку – кажется, нашли.

Перевернутые столы с намертво приколоченными лавками, обычная конструкция для открытых парковок, были похожи на перевернутых на спину огромных жуков – их сбросили в кювет, чтобы освободить место для все прибывающих машин. Но места все равно не хватало – голубые проблесковые огни крутились, чуть не задевая друг друга, а капот «скорой помощи» почти заблокировал въезд на стоянку. Чуть подалее стояли, наклонившись в кювет, огромные пожарные машины с телескопическими лестницами, и только за ними практикант нашел место, где можно было втиснуть машину.

Он открыл дверцу, и его поразила странная тишина. Он даже вздрогнул – неужели опоздал? С опушки леса донесся собачий лай. Практикант знаками попросил фотографа поторопиться, перелез через кювет и пошел к темному ельнику – именно оттуда сквозь густой туман был слышен лай полицейских овчарок.

Место уже успели оцепить: тонкие пластиковые ленты отгородили впадину, в центре которой зиял шахтный колодец. У края стояли с полдюжины полицейских и пожарников и бестолково обсуждали, что теперь предпринять.

Практикант осмотрелся. Сразу за оцеплением он увидел темную фигуру человека в гидрокостюме, сидевшего на большом валуне в позе роденовского Мыслителя. В руке он машинально сжимал снятый капюшон. «Мыслитель» со страдальческой миной на свекольно-красной физиономии уставился на практиканта.

Практикант прокашлялся, осмотрелся – не видит ли кто? – и пролез под ленту оцепления. Фотограф, присев на корточки, прикручивал к камере телеобъектив.

– Это ведь ты ее нашел?

Дайвер долго разглядывал большие красные руки. Потом, не произнося ни слова, кивнул.

– Что же это было там, внизу?

– Что, что... хрен его знает, что там было. Чертовщина какая-то, – вяло произнес он.

Практиканту представилось обескровленное обнаженное тело в страшном, клаустрофобическом мраке. Он произвольно глубоко вдохнул.

– И... сколько ей лет?

– Сколько ей лет? Откуда мне знать? – Дайвер уставился на него. – Маленькая... и мягкая такая, будто живая. Я поскользнулся, гляжу, а она на мне.... И что-то у нее там...

– Как она выглядела? Какие повреждения?

– Волосы длинные... – Дайвер сделал неопределенный жест рукой, пытаясь, очевидно, изобразить длину волос. – Вся голова запутана... Я и ухватился, думал, сеть какая-то

или ветошь набросана...

– А повреждения?

– А то! Вот такая дыра между глаз... это как...

Сработала вспышка, фотограф встал и подошел поближе. Дайвер глянул на практиканта с внезапно пробудившимся интересом:

– А вы что... вы из газеты, что ли?

Практикант не успел ему ответить – подошедший полицейский схватил его за руку и грубо вытолкал за оцепление. Будущий журналист завертел головой, стараясь ничего не упустить, и заметил тощего старика в замшевой куртке и мокасинах. На спине у старика был пластиковый пакет с высокочастотной антенной. Местное радио... черт бы их поддрал, они-то как сюда попали? Еще какая-то рыжая стерва с решительным взглядом и мокрым блокнотом в руке... А еще вон тот, поодаль... знакомая рожа. Кажется, из городской газеты в Бурленге. Слетелись, как мухи на дерьмо... Пора звонить в редакцию.

Заведующий отделом новостей нашел наконец наушники в скопившемся в ящике стола мусоре и принялся лихорадочно записывать слова практиканта:

**В ЭТУ МИНУТУ: УБИТАЯ ДЕВУШКА В
ШАХТЕ!**

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДАЙВЕРА

– Вы можете добавить: только в «Далакуруирен», – гордо

сказал практикант, краем глаза наблюдая, как полицейские под руки вели здорового дайвера к машине «скорой помощи». Замыкали процессию санитары с носилками.

Дальше потекли минуты приятного ожидания. «Далакуррен» не только первым сообщил новость, корреспонденту еще и удалось поговорить с героем дня – нашедшим труп дайвером.

Практикант с фотографом спрятались от усилившегося к вечеру ледяного ветра за большой сосной. Понемногу подтягивались и другие команды репортеров. ТТ, стокгольмские вечерние таблоиды – куда же без них? – а поближе к проекторам ребята из местной студии ТВ-4 и гостелевидения монтировали штативы и камеры. Время от времени журналисты подходили к зловонной яме – узнать у руководителя работ, нет ли чего нового и что будет дальше. Ответы были все время разными.

Сначала решили, что работать будут спортсмены из местного дайверского клуба, потом в разговоре всплыли дайверы-поисковики из береговой охраны в Хернесанде. Потом, должно быть, какой-то начальник в Стокгольме включил от скуки телевизор – в половине восьмого вдруг пришла команда: задание поручено группе из частей особого назначения. Столичные спасатели прибыли на вертолете, но все равно, прошло не меньше трех часов, прежде чем они оказались на месте. Шел уже двенадцатый час ночи.

Всю вторую половину дня, вплоть до позднего вечера, все редакции добросовестно цитировали короткое интервью практиканта из «Далакуруирен». Заместитель заведующего отделом новостей проявил трогательную заботу о начальнице – принес миску с коричневыми булочками.

Когда прибыла элитная стокгольмская группа в черных десантных комбинезонах, все сразу зашевелились. Шефа спасателей из Фалуна отодвинули подальше, поставили новое оцепление. Внизу, у края шахтного колодца, на желтой в свете прожекторов траве, появились тяжелые ящики из армированного карбона. Дайверы-профессионалы проверили баллоны с воздухом. Не меньше десятка телекамер наблюдало, как быстро и ловко парни натягивают неопреновые гидрокостюмы на свои тренированные тела.

Фалунские полицейские оказались в роли зрителей. Сложив руки на груди, они наблюдали, как первая пара ныряльщиков исчезла в шахте. Когда дайверы появились на поверхности и поднялись к оцеплению, стокгольмский начальник сразу провел первую пресс-конференцию. Журналисты собрались вокруг него плотной кучкой, и фотограф-фрилансер из «Далакуруирен» вынужден был поднять камеру над головой, чтобы сделать снимок этого решительного седоватого дядьки с загорелой, испещренной мужественными морщинами физиономией.

– Тут, понимаешь, вот что... Внесем ясность, – сказал постаревший Рембо, – это... похоже, кое-кто из вас уже начал молотить чепуху... узнали бы сначала, что здесь и почему...

– А что, должны были у вас разрешения спросить?

Ехидный голос принадлежал репортеру с государственного телевидения, уже проведшему прямые репортажи с места происшествия в 17, 18, 19.30 и 21.00.

К нему присоединился парень из крупной вечерней газеты:

– Что и почему? Что значит – что и почему? Не на базаре... Убили женщину, труп нашли в шахте. Больше ничего нам и не известно. Так сказал парень, который ее нашел.

– И нельзя сказать, чтобы от вас была какая-то помощь, – ввернул репортер с местного радио. Он уже несколько часов безуспешно пытался взять интервью у кого-нибудь из полиции.

– Не знаю, откуда вы все это взяли, – сказал начальник спецгруппы. – Значит, так. Даю объективку. Никакой женщины в шахте нет.

Репортеры зашумели.

– Никакой женщины, – повторил командир. – Это мужчина.

У практиканта по спине побежали мурашки.

– А была женщина! – услышал он свой собственный сиплый голос. – Он так и сказал: женщина!

– Не знаю, кто тебе это сказал, – покачал головой коман-

дир. – В шахте мужчина. И мертв он уже давно, много дней, а может, больше. *Намного* больше... Итак, мои ребята сейчас будут поднимать труп, но сначала полагается зафиксировать технические улики. Мы это, понимаешь, так называем – технические улики. И запомните: никто не знает, ни вы, ни я, ни кто иной, никто не знает, *почему* он умер. Парни говорят, прямых признаков убийства нет.

– У вас есть признаки, что это *не* убийство? – попытался возразить практикант. – Что именно не укладывается в версию убийства?

Начальник поиграл желваками – практиканту показалось, что он собирался ответить, но потом передумал.

– Спасибо, на этом все. Постарайтесь придерживаться фактов. А сейчас вот что: пока тело еще внизу, мы перенесем оцепление подальше – здесь могут быть родственники. Так что прошу укладываться.

Оцепление оцеплением, но на следующее утро в обеих вечерних газетах появился ФОТОСНИМОК: труп в специальной сбруе поднимают из шахты. Длинные волосы обрамляют бескровное лицо, в свете вспышки пряди выглядят, как ореол у святого. Те, кто покупает газеты в розницу, наверняка запомнил глубокое отверстие над переносицей, словно третий глаз.

3. Ритуальное убийство

Утренняя планерка за длинным редакционным столом «Далакуруирен» прошла в тягостном молчании, изредка нарушаемом стандартными вопросами: как продолжать? кому поручить?

Никто не упоминал нелепую ошибку насчет пола убитого. На эту тему перешептывались у кофейных автоматов – вот они, столичные гении... что ж он, и дальше будет продолжать выставлять нас на смех?..

Собственно, кто и как будет заниматься журналистским расследованием, большого значения уже не имело: стокгольмские вечерки выбросили в Фалун внушительный десант, и конкурировать с ними «Далакуруирену» было не по зубам.

Всю первую половину дня от полиции ничего нельзя было добиться: кислые физиономии, обычные отговорки. Тайна следствия, еще рано делать выводы, и так далее и тому подобное. Газетные волки почесали в затылке, поразмышляли, и все пришли к одному и тому же выводу: надо найти этого ныряльщика, Эрика Халла.

Сначала пытались дозвониться ему по телефону, но никто не отвечал; весь журналистский табор со вспышками, блокнотами, камерами и микрофонами расположился у дома в

Фалуне, где Халл снимал квартиру. Прождали без всякого толку несколько часов, пока кто-то не разузнал, что у Халла есть дача в нескольких десятках километров к югу от города.

Практикант из «Далакуруирен» поначалу решил, что нашел дачу раньше всех. Оказалось, нет.

С дороги видны были только решетчатые окна. Чтобы подойти поближе, пришлось перелезть через старый деревянный забор. У калитки стоял человек, который никак не мог быть Эриком Халлом. Практикант прекрасно помнил внушительную фигуру дайвера, а этот, в своей коричневой кожаной курточке, больше напоминал хорька.

Хорек сидел на корточках и чертил что-то на куске картона. Потом оглянулся на практиканта, встал, нагло ухмыльнулся и показал самодельный плакат: «Частное владение. Относитесь с уважением». Помахав плакатиком, он укрепил его на калитке и побежал к веранде. Через секунду его тощая спина скрылась за дверью.

Когда остальные участники представления прибыли на место, было уже поздно. Дайвер не отвечал на звонки и в дом никого не пускал.

Журналисты с час прослонялись у забора. Наконец Хорек выскользнул из стеклянной двери. За ним пятился фотограф, делая последние снимки. Засверкали вспышки – может быть, дайвер выйдет на крыльцо или выглянет в окно или, по крайней мере, удастся поймать хоть его тень в ок-

не? – но нет. Безднадега.

Хорек весело помахал неудачливым коллегам и побежал с фотографом к машине. На бегу они перебрасывались репликами, из которых практикант уловил только два слова: «Дополнительный тираж».

Газеты вышли в тот же день, в четыре часа пополудни. Интервью Хорька с дайвером и репортажи о ходе событий заняли не только первую страницу вечерки, но и шестую, седьмую, восьмую, девятую, десятую, одиннадцатую, двенадцатую, тринадцатую, четырнадцатую, пятнадцатую, шестнадцатую, семнадцатую, восемнадцатую полосы и весь разворот.

На первой полосе крупно воспроизведена темная фотография. Из-за большого увеличения видны клеточки пикселей, но неровная надпись мелом на стене пещеры читается совершенно четко. Для ясности надпись продублирована обычным текстом:

FRÁ RAGNARÖKUM

Sal veit ek standa solu fjarri Náströndu á

norör horta dyrr

Falla eitrdropar inn of ljóra

Se er undinn salr orma hryggjum

Skulup ar vaö punga srauma

Menn meinsvara morövangar

Далее следовал перевод с древнеисландского:

РАГНАРОК⁵

Известен мне чертог на мертвом берегу,
Дверьми на север обращен; не достигают
Туда лучи живительного солнца.
Сочится желчью черный потолок, а стены
Не сложены из тесаного камня,
А сплетены из ядовитых змей,
В чертоге том презренные убийцы
Осуждены искать неверный брод
В потоке ядовитом и бурливом⁶.

Рубрика на шестой странице:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД

На седьмой:

NIFLHEIMR – ЦАРСТВО ХЕЛЬ⁷

На восьмой:

ЯЗЫЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ?

На девятой:

⁵ Рагнарок – в скандинавской мифологии гибель богов и всего мира, апокалипсис. Строки из Poetic Edda – собрания древнеисландских мифов.

⁶ Перевод С. Штерна.

⁷ Хель (*древнеисл.* Hel) – повелительница мира мертвых.

NASTRÖNDU – ЧЕРТОГ УБИЙЦ

И так далее.

ФАЛУН

Жизнь несчастного закончилась на мертвом берегу. Удар в переносицу нанесен с невероятной точностью и силой. Три пальца на правой руке отрезаны.

На северной стене грота убийца нарисовал вход в Нифльхеймр – подземное царство древнескандинавской богини смерти Хель.

Перед полицией стоит задача: решить, не имеем ли мы дело с ритуальным убийством?

Читайте эксклюзивное интервью с дайвером Эриком Халлом, 38 лет, – страшные подробности ритуала асаитов⁸.

Тут уже было не до мелочей – надо врубаться, пока не поздно. Вторая вечерняя газета уже на следующее утро выпустила приложение на тридцати шести страницах.

РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО В ШАХТЕ

Кровавая религия – ритуалы и жертвы асаитов

Конечно, они не располагали, как конкуренты, эксклюзивным интервью с дайвером. У них не было и новых фактов, зато они придумали новый и неожиданный ход. Гвоздем программы журналисты сделали инвентаризацию языческих общин по всей стране, а заодно и порассуждали об их возмож-

⁸ Асаиты, асопоклонники – язычники, исповедующие веру в древнескандинавских богов, асов.

ных связях с правыми экстремистами и неонацистами.

В то же утро ТВ-4 занималось исключительно асаитами, а государственное телевидение включило в утреннюю программу беседу с двумя тетушками из «New Age»⁹. Те вежливо пояснили, что асаиты приносят в жертву исключительно фрукты и цветы, иногда хлеб, и что асаитами называть их неправильно, правильнее было бы «старообрядцы». Потом объявился профессор-криминолог и призвал зрителей не делать поспешных выводов. Он многозначительно напомнил, что большинство убийств происходит среди знакомых и родственников. Потом был прогноз погоды.

В редакции «Далакуруирен» настроение было хуже некуда. Так хорошо начиналось, а теперь их оттеснили куда-то даже не на второй, а на двадцать второй план. Асаитское убийство? А слово-то такое вообще существует – асаитское? И кто и когда видел хоть одного поклонника асов в Фалуне? Или, скажем, в Грюксбу или Бенгтсхедене?

Стокгольмский практикант вместе с другими репортерами оборвал все телефоны в полиции – нет ли каких новостей в следствии? А полицейские ругались на чем свет стоит по поводу этой идиотской публикации – дурацкие стихи, Нифльхеймр, Настранд... сплошная хренотень.

⁹ «New age» – полурелигиозное, полумистическое движение, основанное на вере, что с 2000 до 4000 года на земле продлится эпоха Водолея.

На следующее утро гостелевидение решило для разнообразия внести в дискуссию немного научного скепсиса. Им удалось выковырять Эрика Халла с дачи под Фалуном и самолетом доставить его в Стокгольм.

Рядом с Халлом на диване, между двумя ярко-красными подушками, сидел какой-то потертый тип университетского вида, Дон... как его там? Тительман? Практикант перемотал запись на своем компьютере, чтобы удостовериться. Точно, Дон Тительман, профессор кафедры истории в Лундском университете.

Эрик Халл опять описал свое странное погружение в затопленную шахту. Практикант с пятого на десятое промотал немислимо длинные рассуждения историка – что-то там об увлечении нацистов древнескандинавской мифологией, потом об обществе Туле¹⁰, затем в его рассуждениях возник какой-то Карл Мария Вилигут...

Скучища смертная.

Практикант выключил компьютер и, ничего хорошего не ожидая, пошел на утреннюю планерку.

¹⁰ Общество Туле (нем. *Thule-Gesellschaft*) – немецкое оккультное и политическое общество, появившееся в Мюнхене. Полное название – Группа изучения германской древности (нем. *Studiengruppe für germanisches Altertum*). Название *Туле* происходит от мистической северной страны из древнегреческих легенд. Финансировалось Немецкой рабочей партией, впоследствии трансформированной Гитлером в НСДАП.

4. Бубе

Единственным человеком на земле, кого Дон Тительман любил безоговорочно и безгранично, была его бабушка, *jiddische Bube*¹¹. Она первая приняла его всерьез. Он и сейчас помнил, как гордился, что именно его, и никого другого, она выбрала в наперсники. Было ему тогда восемь лет.

Бабушкин деревянный дом, где он обычно проводил лето, пах нафталином, непроветренным гардеробом и гниющими водорослями. Родители обычно подбрасывали его бабушке в Бостад уже в начале июня и без большой охоты забирали к началу занятий.

Дом разваливался. Краска на фасаде облупилась, а сад медленно покрывался гниющими яблоками и сливами. Их никто не собирал – Дон ленился, а у бабушки болели ноги.

В последние годы она даже не могла подняться по лестнице, и второй этаж был в полном его распоряжении. Несмотря на годами не вытираемую пыль и забитые окна, спать там было лучше, чем внизу, – по ночам бабушка не находила себе места.

Его спальня была рядом с лестницей. Каждый вечер начинался один и тот же ритуал – скрип разошедшихся полов, потом горестный вздох. Вздох означал, что Бубе села на вель-

¹¹ Еврейская бабушка (*идши*).

ветовый диван и растирает шрамы и рубцы на сморщенных икрах. Потом опять скрип паркета, опять вздох... и, убаюканный этим бесконечным ритмом, он засыпал.

Она попала в Равенсбрюк в июле 1942 года, когда еще только начинались медицинские эксперименты на заключенных. Эсэсовские врачи хотели проверить эффективность сульфаниламида при инфицированных огнестрельных ранениях. Решение проблемы могло существенным образом сказаться на боеспособности армии, поэтому эксперимент решили максимально приблизить к реальным условиям. Первыми подопытными кроликами стали пятнадцать заключенных, все мужчины.

Врачи разрезали камбаловидную мышцу от ахиллова сухожилия до подколенной ямки и в открытую рану втирали культуру анаэробных бактерий, возбудителей газовой гангрены. Культуру бактерий получали из Института гигиены Ваффен СС. Мышцу отрезали у подколенной ямки, чтобы сохранить возможность ампутировать конечность в случае распространения гангрены.

После этого рану присыпали сульфаниламидом, зашивали и наблюдали, что будет. Но эксперимент провалился. Раны заживали слишком быстро – ничего общего с тем, что происходит в боевой обстановке на фронтах.

Тогда выбрали новую группу испытуемых, на этот раз женщин в возрасте до тридцати лет. В их число попала и Бу-

бе, бабушка Дона. Врачи концлагеря делали такой же, как и раньше, глубокий надрез вдоль задней поверхности голени, но на этот раз, чтобы воссоздать реальную картину фронтального ранения, в рану втирали не только раствор с бактериальной культурой, но и осколки стекла, землю и стружку. На этот раз эксперимент удался. По крайней мере, частично.

Нога у Бубе распухла от крови и гноя, она лежала в бреду, даже не слыша, как другие участницы эксперимента кричат от боли. Но сульфаниламид сделал свое дело, и через пару дней выяснилось, что никто из женщин от инфекции не погибнет.

Доктора пришли к выводу, что эксперимент все еще недостаточно реалистичен. Старшие врачи, Оберхаузер и Фишер, поехали в Берлин на конференцию, чтобы обсудить неудачу с коллегами.

Высокие специалисты пришли к выводу, что осколков, земли и стружки мало. Надо остановить кровоток в конечности. При фронтовых ранениях очень часто повреждаются крупные сосуды. А когда мы вносим анаэробную инфекцию в ткань с нормальным кровоснабжением, решили эксперты, приток кислорода с кровью мешает распространению гангрены. Это не реалистично!

Кто-то предложил дать по ногам испытуемых очередь из пулемета – уж тут-то никто не упрекнет в недостаточной реальности эксперимента. Но эту идею, поразмыслив, отвергли – невозможно достичь совершенно одинаковых пулевых ра-

нений у всех женщин. Значит, чистоту эксперимента легко поставить под сомнение.

Наконец кому-то пришла в голову блестящая мысль наложить жгуты на голеностопный сустав и под коленом и таким образом ограничить доступ крови в изрезанную голень – тем самым будут созданы все предпосылки для развития гангрены.

У пяти подопытных из группы Бубе так и произошло – гангрена быстро распространилась на всю ногу и выше. Это были молодые и здоровые двадцатилетние девушки, но через несколько суток все было кончено.

Одна из них лежала на койке рядом с Бубе, и бабушка рассказывала, как нога девушки буквально на глазах распухала от гноя. К утру кожа на ноге была изъедена язвами, а гангрена уже пожирала бедра и нижнюю часть живота.

Даже если врачи СС дежурили бы всю ночь, ампутировать ногу они бы не успели. Утром были сделаны последние медицинские записи, и девушку увезли из палаты, чтобы застрелить. Для Бубе было *shreklehen zach*, особенно страшно, что она даже не пыталась вступитья. Более того, она почувствовала облегчение – такой жуткий запах исходил от несчастной.

К концу осени 1942 года опыты с сульфаниламидом и гангреной врачам, очевидно, надоели.

Теперь они решили начать эксперименты в области пла-

стической хирургии. Была поставлена цель – разработать методы восстановления внешности солдат, вернувшихся с войны после обезображивающих ранений. Солдаты рейха имеют на это право.

Работали сразу по нескольким направлениям – от попыток трансплантации мышц и костей до длительного и обстоятельного наблюдения за заживлением переломов и поврежденных нервов.

Бубе и другие оставшиеся в живых после сульфаниламида женщиныгодились и тут.

Сначала у Бубе вырезали ленты мышц до самой фасции – важно было убедиться, может ли восстановиться мышечная ткань. Врачей постигло разочарование – оказалось, нет, не может.

Потом ей сломали большеберцовую кость в четырех местах, чтобы посмотреть, насколько быстро она срастается. Медсестры тщательно загипсовали перелом. Через несколько недель гипс сняли, убедились, что заживление перелома идет хорошо, и кость сломали снова – было принято решение продолжить эксперимент.

Вначале кололи небольшие дозы морфина, а потом, когда в Равенсбрюке положение становилось все более неопределенным, про обезболивание забывали. Но ей все равно повезло, ей выпала удача, *a zach mazel*, она часто это повторяла: «Мне выпала удача».

Одной девушке вырезали лопатку – хотели что-то там пе-

ресаживать. После этой операции она никогда больше не могла поднять руку. Другой ампутировали руку вместе с ключицей, третьей произвели экзартикуляцию нижней конечности – вычленили ногу из тазобедренного сустава. Одной польке, Бубе сама это видела, убрали обе скулы.

Все эти эксперименты, как потом было доказано на Нюрнбергском трибунале, никакой медицинской ценности не имели.

В последнюю военную весну в лагере появились белые автобусы Фольке Бернадотта¹². Бубе опять повезло – на спине ее арестантской робы мелом нарисовали большой крест, увезли в Падборг, оттуда – в Эресунд, а 26 апреля на носилках внесли на борт парома в Хельсинборг. Ей было двадцать восемь лет.

Прошло три года, прежде чем она начала самостоятельно передвигаться, но страшные рубцы на ногах остались на всю жизнь. Восьмилетний Дон как-то пощупал эти узловатые наросты и подумал, что бабушкины ноги похожи на умирающие деревья.

На следующее лето все продолжалось по заведенному порядку – яблоки гнили в саду, а Бубе рассказывала на чудо-

¹² Шведскому графу Бернадотту удалось договориться с руководством рейха о спасении заключенных посредством их транспортировки в так называемых «белых автобусах», которые были отмечены знаком Международного комитета Красного Креста.

вищной смеси идиш и шведского. Она рассказывала, а он слушал, потому что он никого так не любил, как бабушку.

Она называла его *mayn nachesdik kind*, мое сокровище, моя радость, а немцы у нее были *jener goylem*, нелюди, существа без души.

Каждый ее рассказ острым осколком врезался в детскую память Дона. Но странно, как глубоко его ни трогали ее рассказы, вовсе не они оставили самое страшное воспоминание об этих летних каникулах в бабушкином, наспех построенном в начале пятидесятых, доме.

Больше всего его поразило и испугало другое.

На втором этаже он, как-то шаря в комод, наткнулся на спрятанную бабушкину коллекцию. Там были несколько кожаных футляров с эсэсовскими сдвоенными рунами «зиг» (победа), кинжал с «волчьим крюком», несколько колец с черепом. Под ворохом этих нацистских сокровищ лежала хрустальная тарелка с выгравированным «черным солнцем» Гимmlера – двенадцатилучевой свастикой. Эти лучи, изогнутые как щупальца, тянулись к Дону, словно хотели засосать его внутрь. Он чуть не потерял сознание.

В том же ящике он нашел старые проспекты аукционов – некоторые экспонаты помечены красными чернилами. Дон так и не решился спросить Бубе, зачем она принесла все это в дом... к тому же он был почти уверен, что ответа на этот вопрос у бабушки нет и никогда не было.

Дома, в Стокгольме, Дон ничего не рассказывал ни о бабушкиных историях, ни о ее странной коллекции.

Он, правда, записал несколько ее рассказов в блокноте, полученном от учителя начальных классов, но никогда и никому не давал читать эти записи, а осколки врезались в память все глубже и глубже.

В то лето Дон отказался ехать в Бостад. Ему исполнилось одиннадцать, у него только что родилась сестренка, и он то ли не хотел, то ли боялся остаться наедине с Бубе и ее страшным комодом. Родители поворчали, но в конце концов оставили его одного в вилле в Эншеде, вручив собственный ключ. Так и получилось, что именно он, а не родители, подошел к телефону, когда позвонили из больницы в Сконе и сообщили, что бабушка умерла.

Странно, после этого о Бубе никто не говорил. Ее халупу быстро продали, и отец Дона никогда не упоминал о комодке или коллекции нацистской символики. Похоже было, что отец именно теперь, когда не стало Бубе, решил полностью избавить семью от прошлого. Он запретил детям читать книги о войне, а если шла военная программа, тут же выключал телевизор.

Тишина, возникшая после ухода Бубе, разрасталась и начала давать метастазы. Вилла в Эншеде погрузилась в молчание, не было слышно ни слова – только звяканье столовых приборов и короткие фразы вроде «Передай, пожалуйста»

ста, соль».

У Дона было такое чувство, что он тонет. При первой же возможности он съехал и начал жить своей жизнью.

Конечно, если вспомнить рассказы Бубе, выбор его мог показаться странным, но сразу после гимназии он поступил на медицинский факультет. Может быть, ему просто хотелось заняться чем-то конкретным; он слишком легко погрузился в мир мечты и терял всякие связи с реальностью.

Пятилетний курс он прошел за два с половиной года. У Дона была феноменальная память: едва заглянув в книгу, он мог цитировать ее страницами. После интернатуры он попытался получить специализацию по хирургии, но, взяв в руки скальпель, упал в обморок. Далее настала очередь психиатрии, и тут-то он постиг важную истину: существуют препараты, которые утоляют боль от осколков в памяти.

Для начала он попробовал небольшие дозы снотворных и транквилизаторов, но через пару лет перешел на бензодиазепины и морфин. К тридцати годам зависимость стала настолько серьезной, что ему пришлось уволиться из отделения психиатрии Каролинского университетского госпиталя.

То, что в середине девяностых он получил работу в больнице в Карлскруне, было просто чудом. Там настолько нуждались в специалисте, что не стали проверять его прошлое. Именно в этом городе, на площади Гальгамаркен, пасмурным августовским днем, он встретил коричневорубашечни-

ков из национал-социалистского фронта.

До этого он читал в местной газете о юнцах, встречающих друг друга нацистским «хайль» и кричащих о «жизненной силе» шведского народа. Но лицом к лицу он увидел их впервые.

Неонацисты раздавали брошюры с невинным снопиком Васы¹³ ярко-желтого цвета, но на флагах красовалась свастика. Двойные молнии, железные кресты и германские орлы развевались в небе над провинциальным городком в Блекинге, а с одной из растяжек к нему тянулись щупальца черного солнца. Графический символ, подумаешь... но на него в тот день он произвел впечатление разорвавшейся бомбы.

Он опустил на траву. Сердце разрывала невыносимая боль – детские страхи, оказывается, никуда не делись, они жили с ним все эти годы. Весь его мир рухнул.

¹³ Снопик Васы – элемент герба короля Густава Васы, символ шведского национализма.

5. Медный купорос

Стокгольмский практикант втянул голову в плечи и, глядя в пол, пробежал обходным путем мимо туалета, чтобы не идти через коридор под взглядами репортеров.

Утро было мучительным. Первый камень бросил всем известный зубр из редакции криминальной хроники – тот самый, который на планерках всегда сидел, полуотвернувшись от стола.

– Мне стыдно, – воскликнул он с пафосом, потрясая вымученными практикантом четырьмя колонками для вчерашнего номера.

И тут все как с цепи сорвались. Стыдно стало всем. Жалкая компиляция! Где его собственные предположения? Почему нет журналистской версии? Почему он не нашел хороший источник информации в полиции? Почему он не разработал след неонацистов и поклонников асов? И почему, почему, почему он не взял интервью у Эрика Халла?

Невозможно было?

Ну да, конечно, совершенно невозможно... только не далее как сегодня утром этот ныряльщик как миленький сидел в телестудии. Так что не так уж невозможно, или как?

Практикант изучал свою чашку с кофе и не решался сказать ни слова в свою защиту – боялся, что голос сорвется. А в довершение всего еще и эта тетка из отдела семейной жизни,

вечно с сигаретой, с табачным бронхитом... она начала что-то там хрипеть, как это все постыдно и несерьезно – неопытному практиканту поручили отслеживать самое сенсационное событие в стране, вы, конечно, знаете, даже бесплатные газеты в Стокгольме и то дали больше информации...

– А ведь у них даже и репортера своего в Фалуне не было! – закончила она патетически и закашлялась.

Ускользнув как от насмешников, так и от доброжелателей, практикант закрылся в своей комнате и упал в кресло. У него было такое чувство, что его сейчас вырвет.

Он долго дышал носом, потом принялся еще раз читать вчерашнюю статью. Неужели и в самом деле так плохо?

Он же не виноват, что никто не хотел с ним разговаривать!

Хотя... Эрик Халл и в самом деле появился в телестудии, и вечерние газеты ссылаются на «достоверные источники» в полиции, – кто их знает, что это за источники и насколько на них можно полагаться.

Ну что ж, как вышло, так вышло. Тошнота начала понемногу отступать.

Практикант встал и пнул вращающееся кресло ногой. Пошли они все со своими ритуальными убийствами... в конце концов, он и так собирался завязать с журналистикой, пусть сидят здесь и ноют на своих планерках – только без него.

Он пошел к заведующему отдела новостей, чтобы сообщить ему свое решение, – опять в обход, мимо этого чертова коридора, где все вечно толкуются и сплетничают.

В кабинете никого не было. Разбросанные утренние газеты, кипы статей с жирными красными пометками, тихое жужжание компьютеров.

Практикант немного подождал и собрался уже уходить, как вдруг услышал, что кто-то стучит в окно. Он поднял глаза. На балконе стоял заведующий и энергично махал рукой с сигаретой, стараясь привлечь его внимание. Убедившись, что практикант его увидел, он достал листок бумаги и прижал к стеклу – там был записан телефонный номер. После этого он выпустил густой клуб дыма и проартикулировал губами: «Позвони».

Практиканту очень не хотелось возвращаться в свою комнату. Он устало присел на край стола, извлек из вороха бумаг бежевый телефон и набрал номер. Мужской голос ответил почти мгновенно. Как только практикант представился, интонация сразу стала сварливой.

– Значит, это вы написали статью в сегодняшнем номере? Ну ладно, от вечерней прессы можно ждать чего угодно, но чтобы наша собственная солидная газета клюнула на дешевые сенсации! Убийство, нацизм, язычники... откуда вы взяли этот бред? Просто оскорбительно...

Практикант промямлил что-то насчет того, что ему очень жаль, что его статья показалась читателю погоней за сенсацией, но все эти надписи... Нифльхеймр, Настранд... и в первую очередь – убитый парень...

– Ну вот что, друг мой, – сказал голос ехидно. – Я знаю

человека, который видел этого, как вы его назвали, парня.

Практикант прижал трубку плечом, подвинул к себе заляпанный кофе блокнот и начал лихорадочно пробовать вальявшиеся повсюду шариковые ручки.

– Вы... вы знакомы с кем-то, кто видел убитого? Что он сказал? Возможна ли идентификация? Это кто-то из Фалуна?

– Как я могу разговаривать с человеком, который повторяет нелепые слухи?

– Вы можете не называть свое имя, это ваше право... вы...

– Я не собираюсь вдаваться в детали, – раздраженно сказал собеседник. – Но примите это как совет, если будете в дальнейшем писать об этой истории. Получилось так, что мой друг... мой близкий друг производил вскрытие. Он говорит, что случай уникальный. Или скажем так: почти уникальный.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Купорос.

– Простите?

– Медный купорос.

Практикант наконец нашел пишущую ручку, записал название и поставил три вопросительных знака.

– Значит, вы говорите, медный купорос...

– Вы, как я теперь понимаю, даже не из Даларны, – разочарованно сказал таинственный собеседник и повесил трубку.

– О чем речь? – спросил вернувшийся с балкона заведомом.

– Какой-то читатель... Хотел поговорить о меди.

– Чертовы психи, все до одного, все эти звонильщики...

Иди и займись чем-нибудь полезным.

– Значит, я...

– Что – ты? Продолжаешь работать. Неудачи бывают у всех.

Практикант вернулся в свою комнату и уже, наверное, в сотый раз набрал номер Эрика Халла. Фотографии дайвера в Сети были чуть не на каждом сайте, и «Далакуруирен», похоже, осталась единственной газетой, которая не поместила интервью с героем дня.

После пятого сигнала он уже хотел повесить трубку.

– Халл слушает.

Практикант представился, а лучше бы и не надо было.

– Вот оно что, «Далакуруирен»... позвоните попозже на неделе... у меня сейчас много звонков.

– Но...

– И кстати, «Далакуруирен»... – тон Халла стал ледяным, – это же ваша газета утверждала, что там, внизу, женский труп... и еще на меня ссылались... так что лучше вообще не звоните, вы, с вашей дерьмовой журналистикой!

Практикант так и остался стоять с ритмично постукивающей трубкой в руке.

Он рассеяно открыл блокнот. На первой странице, подчеркнутые красным, стояли всего два слова: «Медный купорос». И три вопросительных знака.

И что это значит? Ку-по-рос... что это? Яд какой-нибудь? Что хотел сказать этот тип? Что парня в шахте отравили купоросом? Сначала отравили, а потом добили ударом в лоб?..

Проще всего было бы выйти в коридор и спросить у кого-нибудь из репортеров. Но уже через минуту он мысленно похвалил себя за то, что этого не сделал. Потому что «медный купорос» дал тридцать попаданий в регистре статей в «Далакурурен». Очевидно, если уж он работает в фалунской газете, то должен бы знать, что за штука – медный купорос.

Он прочитал первую же ссылку:

...который был найден в 1719 году. Труп прекрасно сохранился в медном купоросе. Жирный Мате был...

Жирный Мате? Эти идиотские хуторские имена! Андерс-у-Ручья, Лассе-из-Немкарса... они так и продолжают, как триста лет назад. Здесь одни психопаты, в этой Даларне, зачем только он попросился сюда на практику? Он щелкнул по ссылке, и на дисплее появилась вся статья.

Вот оно что. Жирный Мате, оказывается, просто кличка. Настоящее имя Мате Израельссон, двадцатилетний подручный в шахте. В 1677 году ушел из дома и исчез в Большой Медной шахте. Произошло это в канун Пасхи, Мате только что обручился с девушкой по имени Маргарета.

Практикант потер виски и начал читать дальше.

В марте 1677 года на поиски пропавших в шахте батраков много времени не тратили. Единственным человеком, продолжавшим поиски, была его невеста Маргарета. Она поблекла, состарилась и так и осталась одинокой.

Маргарета ждала его сорок два года. В 1719 году в шахте Куньей на глубине 147 метров нашли труп. Он лежал в гроте, заполненном водой с медным купоросом.

С медным купоросом? Он смотрел на дисплей, не веря своим глазам.

Тело выглядело так, будто погибший утонул два часа назад. Оно было совершенно мягким. Те, кто его нашел, очень удивились, потому что в последние годы никаких сообщений о несчастных случаях в шахтах не поступало, а тем более в шахте Куньей, которая была закрыта после большого обвала в 1687 году.

Когда наконец труп удалось поднять на поверхность, все недоумевали – никто не знал, кто это. Крепкий парень, молодой и здоровый (если не принимать во внимание, что он мертв). Никаких следов разложения.

Через неделю, когда тело было выставлено для всеобщего обозрения, какая-то старушка из публики вдруг залилась слезами.

Маргарета сразу узнала своего возлюбленного. И еще трое бывших шахтеров, теперь уже глубоких стариков, опознали погибшего – это был пропавший без вести сорок два года назад Мате Израельссон. В

шахтном журнале было записано: все, что отличает нынешнего Матса Израельссона от тогдашнего Матса Израельссона, – непомерно отросшие волосы. Волосы продолжали расти метр за метром, блестящие, гибкие, черные...

– Прямо Гарсиа Маркес какой-то, – пробурчал практикант, но, прочитав следующий абзац, замер.

Ключом к загадке, оказывается, было высокое содержание медного купороса в воде и воздухе Куньей шахты.

Медный купорос был давно известен как отличное консервирующее средство для древесины. Он входит как один из компонентов в состав знаменитой фалунской красной краски. И вот теперь, оказывается, медный купорос способен в течение сорока двух лет препятствовать естественному разложению человеческого тела...

Во рту у него пересохло. Что там сказал этот стокгольмский Рембо? *Может быть, смерть наступила намного раньше.* Насколько раньше? Практикант прокрутил текст дальше.

Тело было законсервировано до такой степени, что даже после нескольких дней на воздухе при обычной температуре никаких признаков разложения не появилось. Дни складывались в недели, потом в годы, а пропитанная медным купоросом кожа оставалась такой же мягкой и нежной. Наконец Королевская Торная коллегия заинтересовалась необычным случаем, и тело молодого шахтера было выставлено для

всеобщего обозрения. Сначала труп держали в бочке, потом, по требованию публики, его поставили вертикально за стеклянной витриной. Так он и стоял тридцать лет, вдалеке от своей шахты. Даже сам Карл Линней как-то зашел поглядеть на курьез.

Каждую весну стеклянный шкаф открывали, чтобы постричь отрастающие волосы. Наконец, в 1749 году, какой-то сострадательный священник распорядился похоронить тело под полом в церкви Большой Медной горы. Но...

Господи, что там еще могло случиться?

Прошло более ста лет. В начале 1860-х годов в церкви стали перекадывать пол и обнаружили тело Жирного Матса – по-прежнему не было заметно никаких признаков разложения. На этот раз тело поместили в деревянный ящик и поставили в конторе горнорудного управления. Там этот ящик стоял и пылился до 1930 года, когда наконец несчастного Матса Израельссона похоронили по всем правилам на кладбище и поставили небольшой гранитный памятник.

К моменту, когда тело перекадывали в гроб, прошло уже почти 250 лет со дня гибели шахтера, но широко открытые глаза Матса Израельссона были по-прежнему ясными. Кое-кто из журналистов писал, что покойник смотрит на всю эту возню с удивлением, другие утверждали, что в его взгляде ясно читается многовековая скорбь.

– Так и хочется вскрыть могилу и посмотреть, как он выглядит сейчас, – пробормотал практикант и набрал номер дотошного читателя – теперь-то он уже был готов к дискуссии о медном купоросе и результатах вскрытия.

Никто не ответил.

Тогда он решил попробовать обратиться непосредственно к источнику и позвонил в фалунскую городскую больницу. Но патологоанатом сухо произнес что-то насчет профессиональной тайны и повесил трубку.

И что теперь делать? Он набрал внутренний номер заведующего отделом новостей, но тут же нажал на рычаг. С чем он к нему придет? Только нарвется на дополнительное унижение...

Практикант отъехал от стола, откинулся на спинку и, грызя шариковую ручку, попытался проанализировать факты.

Значит, так... труп, если верить анониму, каким-то образом связан с медным купоросом. Может быть, мы имеем дело с подобным случаем? Как в XVII веке, законсервированный подсобный рабочий, которого случайно нашли в шахте?

Тогда... тогда, может быть, о свежем убийстве и речи нет, может, это просто находка – случайно обнаружили сохранившийся неизвестно с каких времен труп? И как же можно подтвердить такую дикую версию?

Полиция? Он прикусил ручку с такой силой, что раздался хруст. У него в полиции никого нет, к тому же информация из полиции вообще почти иссякла, особенно после публика-

ции всех этих древнеисландских стихов и разговоров о ритуальном языческом жертвоприношении. Он встал и записал в блокноте:

Медный купорос???

Груп мог находиться в шахте очень долго.

И как в таком случае полиция собирается его идентифицировать?

Он зажмурился и попытался вспомнить конспекты лекций. ДНК-регистр? Но в их базе данных, как он смутно припоминал, содержатся только те, кто был осужден за тяжкие преступления. А если убитый вовсе и не преступник?

Кресло под ним жалобно заскрипело.

Есть еще так называемый РКУ-регистр¹⁴, там образцы крови чуть ли не всех жителей Швеции... Но что-то там не так...

Он снова прикусил ручку.

Вот, вспомнил... это же всего-навсего миллионы бумажных листочков с пятнышком крови, как по ним можно кого-то найти? Пересмотреть всех до единого – нереально. Этот регистр может пригодиться разве что в том случае, если полиция набредет на какое-то имя и решит проверить свои предположения. Но здесь-то они вряд ли что найдут...

Практикант горько вздохнул от сознания своей никчем-

¹⁴ РКУ-регистр изначально был создан для лечения и выявления некоторых врожденных заболеваний, в частности фенилкетонурии. Содержит образцы крови всех жителей Швеции, родившихся после 1975 года.

ности и погреб ногами, подталкивая кресло к компьютеру. Открыл Google и набрал слово «идентификация». Открылось множество страниц. Он беспомощно смотрел на длинный список, не зная, с чего начать.

Вначале шли рекомендации фармацевтического управления: как идентифицировать неизвестные таблетки и капсулы. Дальше, дальше... А это что?

...помощь, оказываемая банками крови для идентификации жертв цунами. Особенно важна для идентификации детей, у которых еще нет зубной карты.

Зубная карта... Вот оно! Конечно, они используют зубную карту! И вот тут удача ему улыбнулась: отец гимназического приятеля – зубной врач, у него кабинет на Карлаплане!

Он разыскал номер и позвонил. Попал в приемную и упросил соединить его с врачом. Как только телефон переключился, он услышал противный визг бормашины.

– Зубная карта? Нет, знаешь... мы с этим дела не имеем... Этим занимаются спецы из судебно-медицинского управления... С какого года ведут регистр? Понятия не имею...

Папе-дантисту было явно некогда с ним разговаривать.

– А как найти этих спецов?

В трубке послышался звук шагов. Судя по всему, дантист прошел по коридору и закрыл за собой дверь.

– Ну как найти... Позвонить...

Практикант сжал зубы.

– Нет, минуточку... Послушай-ка, у меня есть знакомый парень, он увлекается судебной медициной... он еще в институте был странноватым...

– И?..

– Если хочешь, я могу спросить у него, когда освобожусь.

Папа-дантист позвонил через полчаса и заговорил возбужденно:

– А теперь слушай. Фалунская полиция с помощью центрального управления затребовала зубные карты всех исчезнувших лиц, начиная аж с середины пятидесятых. Ни одного попадания! Обратились в Интерпол – тоже пусто. Судебные медики утверждают, что труп мог пролежать там сколько угодно... Говорят, неестественно хорошо сохранился. Не уверен, правильно ли я понял, но это связано с какими-то солями в шахте... они консервируют тело, и только волосы...

– А что еще они сказали?

Практикант уже лихорадочно строчил в блокноте.

– Что еще... Да, вот что: они сказали, что одет он странно – плотная ткань, костюм с жилетом, сорочка с пристегивающимся воротничком. Ни паспорта, ни прав... вообще никаких документов. И знаешь, что они еще сказали? Ни одной пластмассовой вещицы! Ни одной! Пуговицы на сорочке – слоновая кость, пуговицы на брюках роговые. Подошвы – как ее... гуттаперча. Натуральный каучук.

– А может быть, его похитили с Эстермальма, – сказал

практикант, не переставая строчить¹⁵.

¹⁵ Эстермальм – богатый центральный район Стокгольма, жители которого в представлении рядовых людей отличаются редкостным снобизмом.

6. На свету

На следующее утро на первой странице «Далакуруирен» можно было прочитать аршинными буквами:

«ДАЛАКУРИРЕН» ПРИОТКРЫВАЕТ ЗАВЕСУ НАД СЛЕДСТВИЕМ

А далее шло вот что:

ФАЛУН

«Далакуруирен» приоткрывает завесу над следствием по делу о так называемом ритуальном убийстве.

По данным следствия, тело жертвы пролежало в шахте очень долго, может быть, больше ста лет.

Из независимых источников нам удалось узнать, что в воде и в воздухе подземного грота отмечена очень высокая концентрация медного купороса, являющегося мощным консервирующим средством, предохраняющим ткани от разложения.

Полиция исходит из того, что рассматриваемый случай нельзя квалифицировать как недавно совершенное убийство. Если это и убийство, то сроки давности давно истекли. Полиция пока официально...

И подпись практиканта – жирным шрифтом.

Эта публикация вызвала немедленную цепную реакцию в

редакциях стокгольмских газет.

На утренних планерках ни о чем другом не говорили.

Что они там, в Фалуне, с ума все посходили? Это что, следствие по убийству или археологическая экспедиция? Медный купорос? Все это, разумеется, притянута за уши.

РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО – вот главная новость недели, а не какой-то курьез из прошлого столетия!

Это же не просто следствие. Это же **СЛЕДСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ**. Речь идет о самой **ДЕМОКРАТИИ**. Неонацисты и/или язычники! Эти негодяи, совершая какой-то древнескандинавский ритуал, принесли в жертву человека. **НЕДАВНО!** И на этом дело не закончится! Этот случай не последний! Сколько можно говорить, сколько газет надо напечатать, чтобы народ это сообразил?

Это серьезно. Это концепция. А они бредят, что парень якобы каким-то образом законсервировался там, в шахте. Какая в этом сенсация?

А если это и вправду так, все превращается в не особенно смешной анекдот, и место этому анекдоту не на первых страницах, а где-нибудь в конце. А еще лучше – нигде.

И наконец, самое главное: почему молчит полиция в Даларне? Почему она не отвергнет решительно эти идиотские вымыслы? *Something is rotten in the state of Denmark*¹⁶...

Ничего понять нельзя. На всякий случай обе вечерние га-

¹⁶ *Something is rotten in the state of Denmark* (англ.) – Какая-то в державе датской гниль. (Шекспир, «Гамлет»; перевод Б. Пастернака.)

зеты немножко поумерили пыл. Ритуальному жертвоприношению были посвящены всего полстраницы – решили дождаться хоть какой-то ясности. Теперь уже этой историей занимались, ни много ни мало, четырнадцать репортеров.

А в редакции «Далакуруирен» за купоросную статью практикант получил одобрителный пинок в спину от заведомом. Другие репортеры были настроены скептически.

Вот так, значит. Теперь у стокгольмского юнца практиканта обнаружались какие-то независимые источники в Даларне... А вся эта история с медным купоросом... байки, да и только. А как вам нравится «приоткрывает завесу»? Куда его заносит?

Планерка закончилась, и все мгновенно куда-то исчезли, оставив практиканта в гордом одиночестве. Именно поэтому его, как попавшегося на глаза раньше других, направили на пресс-конференцию на месте происшествия – там наконец собрались откачать из шахты воду.

На поляне было так же холодно, как и в тот день. Ему подумалось, что этот зябкий ледяной туман исходит не откуда-нибудь, а из мертвого жерла заброшенной шахты. Поэтому и вонь, как из преисподней.

Заработали мощные насосы. Омерзительный запах, казалось, стал еще более омерзительным. Толпа журналистов начала отступать.

Довольно быстро, как информировал репортеров пресс-секретарь полиции, обнаружилась пачка старых газет, клейких от медного купороса. Она лежала недалеко от грота, который уже получил у журналистов название «Зал мертвых», всего в нескольких метрах от надписей мелом «Niflheimr» и «Náströndu». У некоторых газет края были обуглены. Возможно, кто-то давным-давно пытался развести огонь, чтобы согреться.

На отдельных газетах сохранилась даже первая полоса. Тесные колонки, черная, намного черней, чем в наши дни, типографская краска.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ
Остановлено ли продвижение войск?
Немцы сообщают о незначительных успехах

Чуть ниже:

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ.
ПЛАНЫ ВВЕСТИ КАРТОЧКИ
В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ
Малообнадеживающие высказывания
министра сельского хозяйства

На следующей странице сохранилась шапка, и, хотя газета, очевидно, побывала в воде, текст можно было различить:

Газета Южной Даларны. 7 июня 1918 года

Пожарники начали откачивать воду из бассейна, где Эрик Халл нашел труп.

В придонном иле обнаружилось большое шило с треснувшей красной ручкой. Не требовалось никакой криминалистической экспертизы, чтобы понять: это и есть орудие убийства, и именно им нанесена глубокая рана над переносицей.

Через несколько часов криминалисты информировали, что им удалось зафиксировать отпечатки пальцев на рукоятке и что они принадлежат убитому.

– То есть это, скорее всего, даже не убийство? Неужели речь идет о самоубийстве? Тогда это никакая не сенсация... это даже девяносто лет назад не могло быть сенсацией!

Хорек из вечерней газеты замахал руками, словно ему не хватало воздуха. Полицейский пресс-секретарь спокойным кивком подтвердил – да, скорее всего, так оно и есть.

– Чертова Даларна, – яростно произнес Хорек и начал проталкиваться сквозь толпу – позвонить в редакцию.

В послеобеденном выпуске выпускающий редактор честно зарезервировал для Хорька несколько колонок. Другая вечерняя газета предпочла вообще ничего не сообщать на эту тему. Вместо этого они поместили на отведенной для новостей из Фалуна полосе какую-то смешную историю.

Уже в тот же вечер и та, и другая газета отозвала из Фалуна корреспондентов – давайте оплачивайте гостиничные счета и гребите домой.

Вся эта чушь – материал для какой-нибудь тоскливой научной программы или для ботаников из отдела культуры, но

как сенсация – извините. Может быть, где-нибудь в самом конце, мелким шрифтом.

В самом, самом, *самом* конце.

7. Тайна

Практика закончилась. Последняя вечерняя планерка. Может, хоть спасибо скажут. С момента разгадки купоросной тайны прошла уже неделя, а он еще ни от кого не слышал слова одобрения. Но теперь, кажется, что-то намечается.

Присутствующие, всего несколько человек, неохотно поднялись со своих стульев, тетка из семейного отдела протянула ему несколько увядший букет и дальскую лошадку¹⁷ с логотипом редакции. Потом заведомом новостей сказал что-то доброжелательное про вечерние газеты, про Стокгольм и про блестящее будущее, но речь его, как обычно, закончилась приступом кашля.

Все было бы ничего, если бы не ехидные комментарии завистников. Как он ни избегал встречаться с ними глазами, все равно ему мерещилось хихиканье и что-то насчет «исторического приоткрытая завесы».

На том и разошлись. С формальной точки зрения его рабочее время еще не истекло, до пяти надо бы досидеть, но, боже мой, последний день...

Практикант сунул малосимпатичную лошадку в сумку и с букетом под мышкой пошел на парковку.

Не успел он спуститься по лестнице, сзади послышался

¹⁷ Дальская лошадка – традиционная деревянная игрушка, символ не только Даларны, но и всей Швеции, как в России матрешка.

топот, и завождем новостей положил ему руку на плечо – надо надеяться, в последний раз. Сквозь свистящее дыхание практиканту удалось разобрать что-то насчет последней услуги. Он уже хотел было отказаться – далеко ехать, билеты на поезд... но завождем, борясь с кашлем, произнес три решающих слога:

– Э-рик Халл.

Прокашлявшись и отдышавшись, шеф пожаловался, что этот несносный дайвер звонил всю неделю и спрашивал насчет интервью. Дескать, заинтересована ли редакция по-прежнему выслушать всю историю из первых уст? Ответ был ясен – история с купоросным трупом не только умерла, но уже и похоронена. Но вот сейчас выплыло, что обещанный материал для воскресного приложения не готов, а пробел заполнить нечем. Может быть, небольшое интервью, а? Этаким воскресный портрет, вроде того, «как это все вам представляется теперь?». Тем более имя пока еще у всех на слуху... Работы – на полчаса.

Э-рик Халл... Практикант швырнул пиджак на спинку кресла и набрал номер. Халл взял трубку после первого же сигнала, словно сидел и ждал, когда ему позвонят.

– Слушаю?

Теперь-то он уже не корчил из себя суперзвезду. Крупные газеты потеряли к нему интерес, а ему хотелось еще покататься в лучах славы. Практикант помнил, как по-хамски отшил его дайвер в тот раз, поэтому говорил с ним довольно

сухо.

– «Далакуруирен», если вы ничего не имеете против, хотел бы взять у вас интервью... чуть более личного характера. В том смысле, как вы чувствуете себя теперь, когда все уже позади?..

– Если честно, пустовато как-то... у меня...

Практикант проверил билеты. Поезд уходит в 19.15, а ему еще надо заехать домой за вещами. А сейчас у нас... Он посмотрел на часы:

– Знаете, ведь самое важное – это фотографии, правда?

– Вообще-то да, смотрят-то в основном картинки... Ну если следишь там за чем-то и так далее, тогда...

– Так что интервью... – Практикант опасливо покосился на дверь. – Интервью мы могли бы провести и по телефону.

– По телефону?

– Да. У меня очень мало времени...

– Ну да, ну да... конечно...

Через пятнадцать минут были получены ответы на все вопросы. Ничего нового дайвер не сказал, но четыре-пять тысяч знаков в воскресном приложении обеспечены. Практикант вовсе не собирался представлять Халла как отважного героя спелеолога, идущего на смертельный риск ради новых важных открытий.

А вот фотографии...

Он выключил компьютер, вышел и захлопнул за собой

дверь. Теперь-то уж точно в последний раз. С высоко поднятой головой прошел по общему коридору, у кофейного автомата свернул, обогнул исцарапанный стол и огромный старый ксерокс. Там, за ксероксом, и сидела девушка-фотограф – заводелом сказал, что эта работа как раз для нее. Она замещала штатного фотографа, только что из училища, практика ей не повредит.

Волосы собраны в конский хвост, видно, что ей нет еще и двадцати, несмотря на свирепый макияж. Практикант записал адрес Халла на бумажке и попросил сделать несколько снимков – только никаких гидрокостюмов и прочего антуража, все это видели уже двести раз. Эрик Халл – герой вчерашнего дня.

Ничего такого не нужно, наоборот. Хорошо бы что-то будничное, уютное – сидит за столом в кухне, может быть, чуть нерезко... или силуэт у окна... ну, знаешь, в полупрофиль...

Да, да, закивала девушка, все поняла. Она взгромоздила на плечо тяжеленный кофр с аппаратурой, поправила джинсовую курточку и побежала в редакционный двор.

Он посмотрел в окно. Вот она села в машину, включила задний ход. Мигнул поворотник.

Практикант услышал, как кто-то беззаботно насвистывает популярный мотивчик. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что этот кто-то – он сам.

– Добро пожаловать на Лундавеген, – сказал Эрик Халл. – Хотите кофе? Я уже поставил.

Он ждал ее у калитки. Они шли по усыпанной гравием дорожке. Он положил ей руку на талию и даже слегка подталкивал. Рука, будто нечаянно, то и дело сползала на ягодницы. За остекленной решетчатой дверью она быстро сняла кроссовки – даже не спрашивая. Зеленый деревянный пол веранды сверкал чистотой, в доме сильно пахло моющими средствами.

Дайвер провел ее через узкую прихожую в большую гостиную с низким потолком – розовые кресла и диван, старинные кружевные шторы, дальше шел коридорчик с лоскутными коврами на полу и на стенах и, наконец, кухня.

«Герой вчерашнего дня» предложил ей место на скамейке у стены, налил кофе и придвинул стол, да так, что она еле могла шевелить ногами. Сам уселся в кресло напротив.

Вообще-то в «Далакурурен» было всего пять фотографов, и ей некогда рассиживаться. Ну хорошо, подумала она, можно поболтать несколько минут, пусть расслабится, может, настроение будет лучше.

И в самом деле, поначалу дайвер выглядел довольно мрачно.

Все, по его словам, было сделано не так: газеты нещадно

переврали его слова, особенно по части технических деталей погружения, так что сам Эрик Халл предстал в невыгодном свете – будто он ничего не понимает в дайвинге.

А когда он попытался поправить этих чертовых писак, они даже слушать не захотели. Они что, не заинтересованы, чтобы все было правильно? Или как?

К тому же он успел рассказать далеко не все, это было только начало.

Только кому рассказывать? Есть ли среди вашей братии хоть один достойный человек?

Возьмите хоть ваш «Далакуруирен». Они даже репортера послать не позаботились... Никакого уважения к своей профессии... да какие они профессионалы? Так, журналиги...

Потом Халл пустился в длинные рассуждения о профессионализме. Настоящих профессионалов почти ни осталось, ни в одной профессии... вот он работал электриком в Фалу-не, все то же самое...

Девушка-фотограф согласно кивала, вставляла одобрительные словечки, просила подлить кофе – в общем, старалась как могла. Халл, очевидно, неправильно истолковал ее дружелюбие. Он неожиданно спросил, как складывается ее личная жизнь. Тогда она показала на пустую чашку, решительно положила руки на стол и попросила показать место, где свет был бы получше.

– Пойдемте, я покажу свой гидрокостюм, вы же все равно захотите его шелкнуть.

Он слегка отодвинул стол, и девушка с трудом вылезла из своей клетки.

Оказывается, в лоскутном коридорчике была еще одна дверь – низкая, зеленая, в деревенском стиле. Она вела в довольно большую комнату, освещенную послеполуденным солнцем. За окнами газон, а сразу за забором густой сосновый бор.

– Как красиво, – сказала она.

– Это мамаша, она занималась домом. Мы здесь каждое лето проводили. Здесь все, как было при ней.

Девушка кивнула.

– Место – первый сорт. Вон там, смотрите, спустился к реке – и купайся на здоровье. И мостки есть. В этом году нормально, а то иногда зацветает – в воду лезть неохота.

Гидрокостюм висел на специальной вешалке на приоткрытой двери в торце комнаты, напоминая фигуру человека без головы.

– Ваши обычно просят его надеть...

– Нет, спасибо. Мы хотим рассказать побольше именно о вас, а не о дайвинге. Поэтому и снимки должны быть очень личными... Может быть, в кухне... или есть другое место, которое вам нравится...

Он кивнул и приоткрыл дверь с висящим на ней гидрокостюмом. Из спальни пахнуло застоявшимся перегаром. Неубранная постель, разбросанные на несвежей простыне глянцево-журналы, мерцающий экран компьютера...

– Кухня, пожалуй, лучше, – сказала девушка и поежилась.

Они пошли в кухню, и она опять почувствовала на поясе его руку.

Освещение в кухне ее устроило. Тонкие льняные шторы будут работать как фильтр, подумала она. Это то, что нужно... Как там сказал практикант? Будничные, уютные фотографии. Эрик Халл сидит у окна, подперев рукой голову. Замечательно!

Она работала молча. Довольно долго никто вообще не произнес ни слова. Слышно было только ее дыхание, когда она меняла ракурс, и ритмичное кряканье затвора.

– Ты-то, похоже, знаешь, что делаешь, – переходя на «ты», сказал дайвер.

Девушка бегло улыбнулась. Еще два-три снимка.

– Знаешь... – продолжил он. – Тут такая история... я мог бы тебе рассказать... все не так просто...

– Угу, – сказала она и нажала кнопку затвора.

– Ты, похоже, не из болтливых... я имею в виду, умеешь держать язык за зубами, если тебя просят помолчать.

– А то, – сказала она, закрыла объектив крышкой и опустила камеру на живот. – И что это за история?

– Может, оно и глуповато, но... там, в шахте, я нашел кое-какие штуки... – Он внезапно отвернулся и уставился в окно. – Знаешь, я чуть не в шоке был, когда вылез оттуда... покидал барахло в рюкзаки и забыл. А полиция... они привез-

ли меня домой, поставили все на крыльцо – и до свидания. Рюкзаки даже не открывали, потому что... ну, я посмотрел потом: все как лежало, так и лежит. И вопросов никаких не задавали... а я и не рассказывал ничего, меня словно пыльным мешком по башке треснули. А потом... время прошло, и с чего я полезу рассказывать, никому уже и дела нет...

– Вот оно что... Что-нибудь вроде тех старых газет, которые нашли, когда воду откачивали?

Халл ухмыльнулся:

– Что, интересно?

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Под конец она не выдержала и отвела глаза.

– Погоди.

Он вышел и через пару минут вернулся со скомканным темно-красным махровым полотенцем. Положил на стол и аккуратно развернул. Там лежал молочно-белый крест с петлей над поперечиной. Она видела такие и раньше.

– Это же крест Анх? – Девушка наморщила лоб. – Пластмассовый?

– Пластмассовый? Ты что...

Он протянул ей крест. Ну и что, разве это не пластмасса? Цельное литье и совсем легкий... Такие наверняка продают в магазинах игрушек.

– Я тут полазил немного по Сети, – сказал Эрик. – Там пишут, что это ключ к Подземному царству.

– Что?!

– Крест Анх в Египте называли еще Ключом Озириса. В каждой ссылке пишут.

Девушка-фотограф прикусила губу.

– И ты хочешь сказать, что нашел этот пластмассовый крест в шахте?

– Никакой он не пластмассовый! – прошипел Халл. – И я нашел его именно там.

Она переводила взгляд с дайвера на крест:

– Так это и есть твоя тайна?

Халл проглотил слюну и посмотрел на нее с ненавистью.

– Это же фантастика! – поспешила сказать она и тут же почувствовала, как неубедительно прозвучали ее слова.

– Черт вас знает, чем вы там занимаетесь... вы, журналюги... Это же меняет все дело! Откуда там взялся этот крест?

Эрик положил крест в полотенце и быстро завернул.

– Если кому-нибудь скажешь, – сказал он, глядя в сторону, – найду и пришью.

Девушке показалось сначала, что она ослышалась. Но за этими словами последовало столь неприятное молчание, что она начала торопливо паковать оборудование.

* * *

– Веселая у тебя работа, – сказал Эрик Халл. Они вышли на застекленную веранду.

– Да уж.

Она торопливо натянула кроссовки, нащупала в кармане ключи от машины и пошла к выходу.

– Ты... – начал Эрик.

Девушка повернулась.

– Может, увидимся как-нибудь в городе? Только ты и я...

Она не ответила. Принужденно улыбнулась, и все.

Только сев в машину, она заметила, как у нее дрожат руки – никак не могла попасть ключом в замок зажигания.

По дороге домой она позвонила практиканту и не удержалась – выложила всю историю про странную находку.

8. Трасса Е-4, северное направление

SHAYNKAYT, ну и красота!

А что еще скажешь, глядя на вид, открывающийся на Веттерн с горного обрыва! К северу от Висингсё на солнце наползала туча, цветом и формой напоминающая гигантскую скумбрию, а за спиной светило вечернее солнце, отражаясь драгоценной рябью в воде огромного озера. Все было бы замечательно, если бы не этот *a shande*, позор, – окно у его столика было залапано, как стакан в пивной, а вкус кофе напоминал пригоревшее детское питание. Впрочем, что можно ожидать, когда сворачиваешь с евротрассы Е-4 в ресторан при мотеле... жизнь – сплошное мучение, *a tsore*, как сказала бы Бубе.

Дон достал распечатанную с сетевого выпуска «Далакуруирен» статью и положил рядом с подносом. Портрет Эрика Халла. Если фотограф хотел польстить дайверу, то из этого ничего не вышло.

После короткого разговора в гримерной на телестудии Халл звонил ему несколько раз, напоминая о своей таинственной находке в шахте и приглашая приехать в Фалун.

Почему-то он всегда выбирал для звонков время после одиннадцати вечера, и цивилизованного способа заставить настырного дайвера уgomониться просто не было.

А теперь «Далакуруирен» тиснул целую статью про «тай-

ну» Эрика Халла, так что она, эта тайна, сразу стала достоянием нескольких десятков тысяч подписчиков. В то же время автора статьи, похоже, не особенно заинтересовал крест Анх, найденный дайвером; в интерпретации журналиста рассказ ныряльщика выглядел, как дешевая попытка привлечь к себе внимание: вымученная, несвоевременная и насквозь лживая.

Утром Эрик Халл позвонил Дону. Он был явно в скверном настроении. Все это не так, сказал Халл, его оболгали, вся история с крестом – чистая правда.

Помимо креста, он нашел еще один документ, который не может прочитать. Так, может быть, Дон сумеет ему помочь?..

– Когда же вы приедете? – под конец спросил он.

Дон пробормотал что-то уклончивое и повесил трубку.

Но буквально через десять минут, повинувшись внезапному приступу жажды деятельности, он решил поехать, хотя бы ради того, чтобы положить конец этой тягомотине.

«Временно отсутствует», – написал Дон нечитабельным почерком на клочке бумаги и прилепил скотчем на дверь своего кабинета в Лундском университете. С ума можно сойти от этих студентов! А в самом низу, мелко, – номер отключенного мобильного телефона. Отключенного на тот случай, если кому-то, вопреки здравому смыслу, удастся расшифровать эти цифры.

Потом он сел в свой «рено», стоявший уже полгода без движения на парковке Института истории, сунул ключ в

замок зажигания и без особой надежды повернул. Как ни странно, мотор завелся.

Отложив статью, Дон посмотрел в грязное окно – может быть, ему удастся вновь испытать радостное чувство от волшебного вида на Веттерн и Висингсё? Но нет, Анх занимал все его мысли, и переключиться он уже не мог.

Анх... крест с петлей, *Cruх ansata*, изначальный крест, символ планеты Венера. Иероглиф, который можно расшифровать как «жизненная сила», «вода и воздух», «бессмертие», «соль мира». Все это, впрочем, только предположения, даже египтологи не могли сказать точно, каково значение Анха.

Одна из теорий – Анх символизирует женскую матку. Другая – это карта Египта. Вертикальная планка символизирует Нил, петля над поперечиной – дельту Нила. Еще одна группа ученых – очевидно, с более практическим направлением ума – утверждала, что Анх – не что иное, как сандаль...

С другой стороны, если верить розенкройцерам¹⁸, Анх может открыть ученым врата Подземного мира. Но вот вопрос: кто сейчас всерьез воспринимает розенкройцеров?

Ответ: на удивление, многие. К сожалению. Во всяком случае, многие студенты на его семинарах по сравнитель-

¹⁸ Розенкройцеры (в русской транскрипции иногда розенкрейцеры) – члены «Ордена Розы и Креста», теологического и тайного мистического общества, предположительно основанного в позднее Средневековье в Германии.

ной мифологии. Но тех-то привлекают не только мистические теории розенкройцеров. Почему бы не Атлантида? Или летающие тарелки в Росуэлле? Или расплывчатые теории каббалы насчет десяти сефиротов, создавших мироздание? Или последний пример – шестичасовой семинар об исчезнувших цивилизациях в Лемурии и Агарте? Почему бы нет? Тут только начни!

После потрясшей его встречи с нацистами на Гальгамаркен Дон покинул Карлскруну. Вначале он жил у сестры. Та быстро поняла, что происходит с братом, и посоветовала ему заняться чем-то совершенно другим. Со временем он осознал, что пыльная кафедра в Лунде стала его спасением.

Бубе коллекционировала нацистские символы. Это было похоже на то, как дети расковыривают корочки на ссадинах. Для Дона занятия со студентами означали примерно то же самое: он хотел вскрыть рану и вылечить ее. В своих исследованиях он словно пытался вытащить на солнечный свет поселившихся в его душе демонов.

Введение в диссертацию Дон посвятил Генриху Луитпольду Гиммлеру и созданному им «Аненербе» – обществу по изучению интеллектуальной истории древности. Главному идеологу холокоста пришло в голову, что Германия без национальной идеи не сможет достичь уготованного ей величия. И он надумал эту национальную идею сочинить, а для

этого надо было восстановить – или, вернее, возродить – германские мифы.

Дон проследил каждый отросточек, каждую паранойяльную идейку вплоть до жалкого конца: выдуманные древние руны, идиотское Копье Судьбы, утерянная арийская родина на краю земли, Ультима Туле. И наконец, сама свастика – символ Солнца и культа Митраса¹⁹, который немецкие романтики безосновательно отнесли к арийской расе и еще более безосновательно – к германской.

С каждым разоблаченным мифом драконы детства пугали его все меньше. Нельзя сказать, чтобы он совсем избавился от детских страхов, но теперь он мог их хоть как-то контролировать. Все это смехотворно, почему он должен бояться? Оказалось, что даже Гитлер не особенно верил в эти теории. Дон помнил цитату наизусть, как, впрочем, и все цитаты – дословно.

Зачем нам показывать всему миру, что мы, немцы, не имеем древней истории? Неужели недостаточно, что, пока римляне строили огромные и красивые дома, наши предки все еще жили в землянках? Гиммлер теперь раскапывает эти землянки и прыгает от восторга, найдя черепок глиняного горшка или каменный топор. Единственное, что мы доказываем, – что мы кидали копья с каменными наконечниками и сидели на корточках у костров, в то время как Греция

¹⁹ Митрас, Митра – бог Солнца, персидско-римский символ положительных сил и единства человека с природой.

и Рим достигли вершин цивилизации.

Лучше бы нам помалкивать, а Гиммлер трещит без умолку – ему хочется привлечь внимание. Сегодняшние римляне обхохочутся, глядя на его находки.

В дальнейшем Дон проанализировал мифы о руне «зиг», волчьем крюке, солнечном кресте, эсэсовских кольцах с черепами. Он занимался обществом Туле, загадочной личностью Карла Марии Вилигута... и, наконец, легендой о «черном солнце», изображенном на хрустальной тарелке из нижнего ящика бабушкиного комода.

Под конец Дон доказал, что все нацистские символы либо выдуманы, либо использованы неправильно; все это был лишь грандиозный спектакль для зомбированных масс – люди получили уходящую в глубокую древность историю, оправдывающую новую национальную идею: уничтожить всех, кто на нас не похож.

После защиты диссертации, во многом избавившись от своих страхов, Дон продолжил работу. Он отошел от нацизма и занялся критическим анализом вообще всех символов и мифов. Но тут его подстерегала неожиданность.

Поначалу мало кто заметил, что кафедра истории ввела курс древних легенд и мифов. Но слухи понемногу распространялись, и на лекции Дона потоком хлынули одержимые символами и ритуалами психи – мало того что они занимались любимым делом, углубляясь в доисторический оккульт-

тизм, им еще за это платили стипендию! О том, что могут нафантазировать эти пропахшие таинственными курениями люди, если узнают про найденный в затопленной шахте ключ в Подземный мир, Дону и думать не хотелось.

Он зажмурился, покачал головой и встал, не отрывая глаз от пейзажа за окном.

Shaynkayt, красота...

Самое красивое – простота. Так что наверняка есть какая-нибудь простая разгадка, куда более будничная, чем напридумывал себе этот ныряльщик.

Он толкнул стеклянную дверь и начал спускаться к стоянке по инвалидному пандусу. Облако-скупбрия уплыло на север, и весь простор, насколько хватало глаз, был залит абрикосовым светом закатного солнца.

Дон немного задержался перед проржавевшей дверцей своего «рено-5» и несколько раз глубоко вдохнул свежий прохладный воздух. Сколько еще до Фалуна? Пять часов? Шесть?

Открыл дверь и сразу полез в сумку. Покопавшись, нашел то, что нужно, – серебристую конвалюту. Выдавил пять капсул по сорок миллиграммов: двести миллиграммов риталина. Подкопил слюну, кинул капсулы в рот, разжевал, чтобы быстрее подействовало, и проглотил.

Щекочущее чувство бодрости, рассчитал он, должно появиться после Гренны. Потом, может быть, придется доба-

вить, перед поворотом на Муталу и Оребру.

Оттуда до Фалуна уже недалеко... пятидесятая дорога, вспомнил он. Дальше надо искать указатель на Свартбек. Там направо, потом еще раз направо, на проселок, а потом, у заброшенного амбара, свернуть налево и проехать еще шестьсот метров.

Как проедете шестьсот метров, сказал ныряльщик, ищите деревянный забор, там один такой. И веранда застеклена.

9. La Rivista Italiana dei Misteri dell'Occulta

Форточка в спальне с грохотом закрылась от внезапного порыва ветра, и почти сразу донеслось глухое ворчание грома.

Эрик Халл полусидел в постели, прикрыв ноги одеялом. Пружины матраса прогибались под его мощным телом, как гамак. На тумбочке – бутылка с джином и полупустой стакан.

Тяжелая грозовая туча закрыла все небо, и стало почти темно.

Эта паскуда выболтала все, о чем он просил ее помолчать. «Далакурурен» поместил его рассказ, перевернутый и вывернутый наизнанку.

Крест Анх – ключ от Подземного мира, ни больше, ни меньше, да еще портрет... поглядев на такую рожу, ни один человек на земле не станет воспринимать его всерьез. Никому уже не интересно, а он ни с того ни с сего опять вылезает с каким-то бредом насчет египетского креста, который якобы нашел в шахте... Паяц, да и только. Он сделал большой глоток джина.

Паяц и есть паяц... что, интересно, подумали девки из «Dykedivers», когда он послал им снимки креста? Это было задолго до этой сволочной статьи, прошло уже несколько

дней – ни ответа, ни привета.

Небо прорезала ветвистая молния, громыхнул гром, и полил дождь.

Эрик повернулся к стене и закрыл глаза. Через несколько минут посмотрел – за окном настоящий водопад. Паяц и есть паяц... но нет же, нет!

Стоит зажмуриться – и он опять в том гроте, слышит хруст пальцев под ножом, падает навзничь в воду под тяжестью мертвого тела.

Он сжал зубы и со свистом втянул воздух, словно от боли, – видения стали почти маниакальными.

Потом он спустил ноги на коврик и потоптался немного, пытаясь найти баланс, – его заметно качало. Чтобы заставить себя встать, пришлось сделать усилие.

За грохотом грозы скрип двери был почти не слышен. Эрик постоял немного, стараясь не глядеть на рюкзак в углу, где, завернутый в махровое винно-красное полотенце, лежал крест. Но не удержался.

Сверток казался очень легким. Не разворачивая, Эрик нащупал пальцами рукоятку креста.

Там, за стеной дождя, за густым сосняком, – торфяное болото. Сейчас бы пойти и утопить этот чертов крест, плевать на дождь... вот уж обрадуется эта профурсетка, да и девки из «Dykedivers», и вся эта газетная сволочь, включая поганных читателей! И самому неплохо бы утопиться. Надоело... Все равно никто его искать не станет.

Дайвер откинул полотенце. Идеально белый металл... ну нет, ни один нормальный человек не станет кидать такую штуку в болото. Он погладил крест. От креста исходил леденящий холод, точно его только что вынули из морозильника. Заломило не только кончики пальцев, но и всю руку.

Покачиваясь, Эрик направился в кухню.

Середина дня, но в кухне темно, фарфоровый светильник освещает только часть кухонного стола. Он сел на раздвижной диванчик и положил крест в центр светлого круга.

Сантиметров сорок длиной, выкованный, очевидно, целиком – никаких следов пайки или сварки. Только сейчас он заметил, что металл гладкий не везде – вдоль рукоятки вьется какой-то орнамент. Даже не орнамент, а надпись, но настолько мелкая, что прочесть ее невооруженным глазом, как он ни старался, не смог, – блестящий металл отсвечивал, и различить текст не удавалось. Лупа и мощный карманный фонарик не помогли.

Эрик сдался и снова завернул крест, чтобы на него не смотреть. Приедет Тительман – разберемся. Если этот сукин сын все-таки приедет.

Он покосился на спиральный блокнот у телефона, где он записал номер жирным графитовым карандашом. Позвонить ему, что ли, еще раз... впрочем... *графитовый карандаш?*

Эрик, не вставая, заерзал по диванчику и дотянулся до

блокнота и карандаша.

Первым делом он вырвал листок с номером и адресом Тительмана, чтобы не потерять, хотя звонил ему уже столько раз, что помнил номер наизусть. Затем вырвал еще один листок, туго обернул вокруг вертикальной планки креста и начал водить карандашом, держа его почти параллельно бумаге.

Молния сверкнула, как ему показалось, прямо у него за спиной. Он вздрогнул и посмотрел в окно. Старый деревянный забор был совершенно неразличим за сплошной стеной дождя. Двадцать один, двадцать два... на третьей секунде громыхнул раскатистый гром. Если так будет продолжаться, гроза пройдет прямо над домом.

Эрик вернулся к прерванному занятию. Постепенно в тонком слое графита вырисовывались загадочные витиеватые значки:

अग्निमीळे पुरोहितं यज्ञस्य देवं
रत्वीजमहोतारं रत्नधातमम
अग्निं पूरवेभरिषभिरिड्यो

Во рту у него пересохло. Он заработал карандашом еще быстрее.

На бумаге появлялись новые и новые значки. На первом листке уже не осталось места. Его, собственно, уже перестали интересовать эти иероглифы, но руки механически отры-

вали листок за листком и продолжали работу. Почему-то он не мог остановиться.

पूरवेभरिषभिरिड्यो अग्नि रित्वीजमहोतारं अग्निमीळे

Надписи были везде – и на вертикальной планке, и на поперечине, и на петле.

Эрик тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. Казалось, все эти манипуляции проделывает за него кто-то другой, а он сам не более чем зритель.

Сверкнули две молнии подряд, и почти сразу дом затрясся от тяжелого грохота. Эрик словно очнулся и отложил карандаш. Далеко не сразу появилось чувство, что руки опять подчиняются его воле и желаниям.

А желание было одно – снести все эти клочки бумаги в кучу и сжечь. Он даже не стал разглядывать, что у него получилось: во-первых, света недостаточно, а во-вторых, он почему-то твердо знал – все это надо уничтожить.

Все уничтожить.

Он собрал черные от графита листки, отнес в гостиную и бросил в камин.

Опять сверкнула молния, и с треском разрываемого полотна ударил гром. Эрик дослушал долгие затихающие раскаты и зажег спичку. Бумага долго не загоралась, но наконец вспыхнула вся разом, словно по команде.

Он сел на коврик перед камином и обхватил колени ру-

ками. Ему представилось, как крест Анх исчезает в черной воде болота... так и сделаю, надо выкинуть эту штуковину немедленно, с чертовщиной лучше не связываться...

Теперь чертовщина мерещится, смутно подумал дайвер. Это джин во всем виноват... бред какой-то. Чем он, собственно, занимался – там, за столом?

Внезапная боль заставила его втянуть голову в плечи.

Это что еще за новости...

Он ощупал голову рукой. Похоже на удар током... прострелило всю голову, от шейных позвонков и до лобной кости.

Эрик взгляделся в темный переплет окна – ему показалось, что во дворе кто-то есть.

Ничего не видно, кроме его собственного отражения. По стеклу водопадом катится вода.

Кто там?

Молния, удар грома. Он инстинктивно отшатнулся. Черт знает что!

Эрик несколько раз глубоко вдохнул, заставил себя встать, подойти к окну и отодвинуть шторы.

Кто там?

Есть там кто?

Поначалу за стеной дождя он ничего не видел, но глаза понемногу привыкли. Во всяком случае, край веранды он различал четко.

Он перевел взгляд на водосточную трубу, из которой низвергались потоки воды. Мокрая трава, размытые следы граблей, пузырящиеся лужи на гравии... кусты крыжовника... дальше, дальше... что это там, у калитки?..

Над низким деревянным забором маячит темный силуэт. Эрика словно отбросило от окна. Он прижался лицом к стене. Этого не может быть...

Чья-то невидимая рука прикрутила звук – многоголосый рев ливня сменился тихим бормотанием.

...Тительман?

Сверкнула молния, но грома он не услышал. Вместо грома та же рука повернула выключатель. Сразу, как по команде, стало светлее. На полу обозначился прямоугольник света из окна.

Эрик медленно отнял руки от стены – на обоях остались два влажных пятиконечных веера.

Он нерешительно вернулся к окну. В сизой грозовой туче обозначился светлый прогал – там угадывалось солнце. Ливень прекратился.

Он не ошибся – в морозящем дожде у калитки стоит... женщина?

Да, женщина. Стоит, повернувшись в профиль. Прозрачная дождевая накидка, стройная фигура в высоких сапогах.

Женщина повернула голову и посмотрела в его сторону. Странно. Она не могла его видеть, но у него появилось ощущение, что их взгляды встретились.

Девушка, совсем молоденькая, стоит не двигаясь, словно ждет, пока он насмотрится и выйдет ее встретить.

– *Signor Hall?*

Эти слова были произнесены в ту самую секунду, когда Эрик решился наконец открыть застекленную дверь веранды.

Он сунул босые ноги в деревянные сабо. Девушка приветливо махала ему рукой:

– *Mi scusi può uscire un attimo?* Извините, могу я войти?

Тихий ломкий голос, но Эрику показалось, что она не кричит от калитки, а шепчет ему прямо в ухо.

Он облизнул губы – язык не слушался. Мало того что он не знал, что сказать, он еще и понятия не имел, на каком языке она к нему обращается.

Снова этот странный шепот:

– Синьор Халл?

Эрик дотронулся до болезненной точки на шее, и у него появилось желание повернуться, закрыть дверь и запереться. Но вместо этого он, как околдованный, двинулся ей навстречу по усыпанной гравием дорожке, старательно обходя

лужи.

Она махала рукой и улыбалась.

Выглянуло солнце, в его лучах серебрились живые нити слепого дождя. Ничего, обойдется... Картинка креста и исчерканных загадочными иероглифами листков бумаги померкла.

К собственному удивлению, Эрик тоже улыбнулся и даже помахал рукой. Бояться нечего – девчонка. Чуть ли не подросток.

– Scusi per l'intrusione, signor Hall...²⁰

Она протянула ему крошечную руку. Эрик заметил вылезший из-под рукава кофты краешек нежно-розовой блузки. Надо что-то сказать, дальше молчать неудобно.

– Speak english?

Девушка сбросила капюшон дождевика:

– O, yes, of course... – Она приветливо улыбнулась.

Очень короткая стрижка, чуть ли не под машинку. Он посмотрел на ее шею – под кожей угадывался пульс.

– Прошу извинить за вторжение, синьор Халл, – сказала она по-английски. – Меня зовут Елена Дуоми...

– Елена...

– Елена Дуоми. Я работаю в «La Rivista Italiana dei Misteri dell'Occulta», итальянском журнале мистики и оккультизма.

Эрик напрягся – открывать калитку или не открывать? После этой сучки с фотоаппаратом он предпочел бы не иметь

²⁰ Извините за вторжение, синьор Халл... (итал.).

дела с журналистами.

– Ну да, да... знаете ли... – промямлил он, не зная, что сказать, но девушка пришла ему на помощь.

– Все дороги ведут в Рим, но из Рима сюда довольно далеко, – улыбнулась она, – может быть, вы разрешите взять у вас короткое интервью? И неплохо бы немного обсохнуть... – Она опять широко улыбнулась – мягкие губы, не накрашенные, но все равно очень яркие. – Надеюсь, вы ничего не имеете против?

Он посмотрел на свою руку, лежащую на засове калитки. Открывать или нет?

– Откуда вы узнали, как меня найти?

– О... мне помогла полиция. Мы уже писали о *l'uomo sotto sale*, засоленном человеке, в предыдущем номере, но интерес очень велик... – Она приблизилась на шаг и остановилась. – Мы его так называем, засоленный человек, этот невероятным образом сохранившийся труп, что вы нашли там, в шахте. Версия полиции, как я уже сказала, мне известна...

Она посмотрела на него искоса, положила свою руку на его и мягко помогла отодвинуть засов.

– Я уже была там, у этой шахты. – Девушка-подросток прошла несколько шагов к веранде и обернулась. – Я понимаю, надо было бы предупредить, но я просто не успела... вы даже не представляете, какой интерес вызовет у наших читателей интервью с вами! Услышать историю этого отважного погружения... вы себе даже не представляете!

Эрик пощупал ноющий затылок, пытаясь собраться с мыслями. Ему ничего не оставалось, как улыбнуться и пригласить малышку в дом.

Пока Елена Дуоми стягивала промокшие сапоги, он быстро прошел в гостиную – ему не хотелось опять предстать в смешном виде. Взял крест со стола, огляделся и затолкал его в ворох бумаг у камина.

Не успел он встать, как послышались шаги. Они прошли в кухню и присели за стол. Елена достала из сумки диктофон и нажала кнопку «запись».

– Только для *La Rivista*... исключительно для итальянского журнала мистики и оккультизма – интервью со шведским дайвером Эриком Халлом.

Ему не пришлось особенно задумываться – поначалу она задавала те же вопросы, что и все остальные, поэтому он исподтишка разглядывал ее лицо.

А может быть, она не так уж и молода. Эта болезненная складка у рта, странный, словно ищущий что-то взгляд...

Но вскоре ему пришлось сосредоточиться. Выяснилось, что итальянская журналистка куда дотошнее своих шведских коллег. Несмотря на его убогий английский, она вытягивала из него все новые и новые детали, просила подробно описать запутанный маршрут в подземных коридорах, спрашивала о таких вещах, которые полиции даже в голову не приходили, – и тщательно все записывала.

Больше всего ее интересовал грот, где он нашел «засоленного человека». Она спросила, как и прочие, о меловых надписях на стене, но в отличие от других была осведомлена о происхождении загадочных слов Niflheimr и Náströndu. Он теперь тоже это знал – исландские саги Снорре Стурлассона.

И не только это. Из ее вопросов Эрик быстро понял, что итальянка куда сильнее его в древнескандинавской мифологии, хотя за последние недели, пока теория о «ритуальном убийстве» не обернулась мыльным пузырем, он немало накопал в Интернете.

Она расспрашивала и расспрашивала, а Эрик косился в окно. Уже почти стемнело. Неплохо бы оставить ее на ночь...

– А теперь, я думаю, пора что-нибудь выпить, – перебил он итальянку.

Она отрицательно помахала рукой, но он уже встал и подошел к буфету. Взгляд его упал на несколько свечей в старинных, с патиной, бронзовых подсвечниках. Эрик поставил их на стол, зажег и вернулся к полкам. Где-то у него были три бутылки «Пата Негра», давным-давно оставленные матерью. Сам он, если хотелось выпить, предпочитал напитки покрепче, но для такого случая можно сделать исключение.

Эрик открыл бутылку, наполнил до краев два бокала. Он был почти уверен, что девушка откажется.

– Grazie, спасибо.

Итальянка сделала большой глоток, закрыла подведенные

зеленые глаза и довольно долго не открывала. Потом посмотрела на него долгим, внимательным взглядом и сменила тему.

А есть ли у синьора Халла какие-то предположения – как этот человек попал в шахту? Что он думает, например, по поводу найденных старых газет? Удалось ли уточнить хотя бы примерно время гибели?

Она задумчиво и заинтересованно кивала, слушая его рассуждения. Он налил себе виски и украдкой посмотрел на нее. Никакой реакции.

Девчонка, подумал он, сколько ни крась глаза, все равно видно – девчонка. Маленькая сексуальная итальянка, неисповедимыми путями появившаяся на его даче под Фалуном.

К вечеру в доме стало жарко. От жары и от выпитого за весь день спиртного на лице Эрика выступили крупные капли пота. Он вытерся рукавом. Итальянка достала из сумочки газетную вырезку – это было то самое злосчастное воскресное приложение к «Далакуруирен».

– А вот это все насчет креста... это правда? – Она показала пальцем на последний абзац.

Вид у него был, наверное, глупый, потому что она засмеялась:

– Нет-нет, я по-шведски не читаю... один полицейский любезно перевел мне статью, тут написано, что вы что-то там... напридумывали?

Она улыбалась так заразительно, что Эрик не удержался

от ответной ухмылки.

– Но я-то вам верю! Я уже позвонила редактору, он говорит, что находка делает всю эту историю еще более увлекательной. Он настаивает, чтобы я по крайней мере привезла фотографию.

Он вспомнил эту сучку с фотоаппаратом и нахмурился.

– Только один снимок, – настаивала итальянка. – Один снимок, и я исчезаю. Это очень важно для меня.

Очень важно для меня...

– Да, снимок креста... неплохо бы, да?

– Я была бы вам очень благодарна...

Эрик встал. Его качнуло, и он для надежности оперся на дверной косяк. Пот катился по спине ручьями.

Итальянка выключила диктофон, спрятала в сумку и подошла к нему вплотную.

– Я могла бы вам помочь, – прошептала она, – если только вы скажете, где крест.

Она дышала ему прямо в ухо. Он никак не мог сообразить, что ей вдруг так припекло увидеть этот крест. Но как бы ни был он пьян, все же сообразил – если сразу показать ей крест, она повернется и уйдет.

– О'кей, – пробормотал Эрик. – Помочь – это хорошо...

Он многозначительно посмотрел на итальянку. Она улыбнулась и кивнула.

– Проводи меня на свежий воздух... – твердо продолжил дайвер, неожиданно переходя на «ты». – Пойдем, я покажу

тебе кое-что... а потом можешь щелкнуть свой крест, сколько влезет...

Итальянка покачала головой, он сначала не понял, что это значит, но потом сообразил – согласилась.

Она ждала его на тропинке у крыльца веранды – хрупкая, пальцем перешибешь, подумал он. Спустившись, он попытался обнять ее за плечи, но она увернулась.

Он пробормотал что-то несвязное – что-то там о даче, о матери... его смутно удивило, что итальянка засмеялась. Можно подумать, поняла хоть слово. Она ж по-шведски ни бум-бум...

Они обошли дом. Итальянка шла впереди, и он с трудом подавлял желание схватить ее за мягко покачивающиеся узкие бедра.

На веревке за домом в лунном свете белели полотенца. Эрик сорвал с прищепок пару штук и знаком пригласил итальянку следовать за ним.

Они уже дошли до опушки сосняка, как Елена Дуоми вдруг резко остановилась и подняла голову. В небе сияла полная луна.

– Quanto e bello...²¹

Ему показалось, что она засомневалась, идти ли дальше, и подтолкнул ее в спину. К его удивлению, она без сопротивления двинулась вперед, в темноту.

²¹ Как красиво... (итал.).

Пока они шли рядом по узкой лесной тропинке, итальянка продолжала спрашивать, как выглядел этот крест, пытался ли он его исследовать... и все время интересовалась, не нашел ли он в шахте еще что-нибудь, о чем не сказал в полиции. Но Эрик, даже если бы и захотел, не мог бы ответить – горло у него перехватило от желания.

Он нащупал в темноте ее руку, но девушка ускорила шаг, и через минуту они вышли на берег лесного озера.

На поверхности воды, у берега, белел целый остров кувшинок. Обычно они отцветали еще в августе, но в этом году задержались, и кожистые зеленые блюда с уходящими глубоко в ил корнями покрывали почти половину озера.

Эрик ступил босой ногой на влажные доски мостков и заметил, что итальянка не выказывает никакого желания следовать его примеру. Он неуклюже пробежал до самого конца мостков и начал раздеваться. Она стояла на берегу, скрестив руки на груди. В призрачном лунном свете ему никак не удавалось различить выражение ее лица.

– Итак... хочешь увидеть крест, Елена? – крикнул он по-английски. – Если и в самом деле хочешь, поплавай со мной!

Он разделся догола и постоял немного, давая ей возможность полюбоваться на его статную фигуру.

– Синьор Халл...

Ему показалось, что она прошептала эти слова ему на ухо. Чуть какая-то... Он прыгнул в воду.

Эрик нырнул довольно глубоко, может быть, даже очень глубоко – тело после выпивки было словно налито свинцом. Он сделал судорожный гребок, потом еще один, посильнее, и его вынесло на поверхность. Переведя дыхание, он лег на спину и открыл глаза. Проморгавшись, он заметил, что итальянка уже стоит на мостках, голая, почему-то с черной повязкой на руке.

Тело ее в лунном свете казалось совершенно белым, чернел только треугольник волос в низу живота. Она гибко потянулась, нырнула и поплыла кролем на середину озера.

Он попытался поплыть вдогонку, но быстро сдался. А дальше... странно, время словно остановилось. Они, как поплавки, качались на воде, не приближаясь и не удаляясь, и смотрели на далекую луну. Елена, казалось, совершенно не обращала на него внимания.

Девушка вылезла из воды первой, завернулась в полотенце и отошла на полянку поблизости.

Эрик заторопился – ему показалось, она уходит.

Оставляя на досках мокрые следы, он побежал на полянку, опустился на корточки и вновь попытался ее обнять. Но она ловко отстранилась и сказала холодно:

– Вы обещали показать крест.

– Да, да – бормотал он, пытаясь поймать ловко ускользающую от него девушку.

– Сначала принесите его сюда.

Из-под длинных ресниц на него смотрели зеленые глаза в траурной рамке маскары. Он неохотно поднялся.

Голый по пояс, с обмотанным вокруг бедер полотенцем, Эрик поплелся к даче. Через несколько минут он вернулся, триумфально подняв над головой откупоренную бутылку вина.

Но вино ее не интересовало. Она впиалась взглядом в предмет, который он держал в другой руке, – металлический крест цвета слоновой кости с петлей.

– Ventornata²², – пробормотала итальянка.

Эрик протянул ей крест.

Она даже не позаботилась одеться – так и сидела, завернувшись в купальное полотенце, и неотрывно разглядывала крест Анх, а он потягивал вино из горлышка.

Несколько раз он сделал попытку протянуть ей бутылку, но итальянка просто отодвигалась, не поднимая глаз... он не понимал, ни чем она занимается, ни почему это продолжается так долго. Она медленно поворачивала крест, словно бы читала эти выгравированные закорючки... ему даже показалось, что она шепчет что-то, отдельные слоги...

Эрик уставился на нее с внезапно проснувшимся пьяным любопытством. Нет, должно быть, показалось – губы итальянки были плотно сжаты.

²² Добро пожаловать (*итал.*).

– Это мой крест, – пробормотал он. – Это я его нашел. – Он подвинулся поближе. – А я еще там кое-что нашел... еще один маленький сюрприз... И никто о нем не знает... только я и знаю.

Она медленно подняла на него глаза.

– Но это за отдельную плату... Поцелуй... Один поцелуй... и я тебе покажу.

Она коротко засмеялась.

– Поцелуй... – повторил он, еле ворочая языком. – Поце...

С неожиданной для пьяного быстротой дайвер обхватил итальянку за плечи и впился ей в губы. В ту же секунду он ощутил резкий удар локтем в живот, и у него перехватило дыхание.

Он покачал головой, изображая обиду:

– Всего-то один поцелуй...

– Где? – услышал он ее голос.

Он уже привык, что итальянка скорее шепчет, чем говорит, но на этот раз голос был совсем иным – резкий, уверенный. Его затошнило, во рту появился отвратительный кислый вкус. Внезапно он потерял самообладание:

– Это тебе будет стоить, поняла, сука?

Он бросился на нее, повалил, прижал руки к земле коленями и сорвал с нее полотенце. На какую-то секунду он не уследил за ее рукой. Ему удалось парировать удар, но щека загорелась. Откуда столько силы в этой почти детской руке

чонке?

Эрик был вне себя. Ему вспомнились невыносимая вонь в этой трижды проклятой шахте, девица-фотограф с ее конским хвостиком и издевательскими фотографиями...

Ему удалось перехватить ее руку и снова прижать к земле. Он избавился от полотенца на бедрах и передвинулся вперед, усевшись ей чуть не на шею. Но в ту же секунду ему показалось, что голова его лопнула. Режущий звук невыносимой силы, как будто циркулярная пила впиалась в череп.

Эрик прижал руки к ушам, как будто это могло помочь... но в ту же секунду, как он отпрянул от итальянки, звук исчез так же внезапно, как появился.

Он сделал еще одну попытку ее схватить.

Послышался звук разбитого стекла.

Он так и не понял в оставшиеся ему секунды, откуда взялась эта разбитая бутылка.

Ему также не суждено было узнать, что удар был такой силы, что острое стекло пробило височную кость и впилось в мозг, пропахав в нем страшную кровавую борозду...

И наступила тишина – только лепет ветерка в верхушках сосен, мягкое чмокание волн и звук мотора приближающейся машины.

10. Дон Тительман

Дон остановил «Рено» у забора и выключил зажигание. Мотор, словно в агонии, дернулся несколько раз и затих – и в ту же секунду ночь прорезал рев мотоцикла. Дон успел посмотреть в зеркало заднего вида – красный габаритный фонарь мелькнул и исчез в темноте.

Он нащупал кое-как обмотанный изоляцией рычаг ручного тормоза и потянул наверх. Дверь удалось открыть не сразу, пришлось несколько раз потянуть за рукоятку, прежде чем раздался заветный щелчок.

Рев мотоцикла слышался уже где-то вдалеке, но у Дона был превосходный слух.

Четырехтактный двухцилиндровый оппозитный мотор с низким центром тяжести. Максимальная скорость при восьми тысячах оборотов далеко за двести пятьдесят километров в час. Немецкий мотор. «БМВ».

Дон повернулся, опустил ноги на землю и потянулся – после долгой езды тело было совершенно ватным. Вычислительная машина в голове уже работала вовсю.

Bayerische Motoren Werke. Это им впервые удалось сделать работающий турбовинтовой двигатель. 18 июля 1942 года двигатель был установлен на «Ласточке» – «Мессершмите ME 262». Пробные полеты в Нижней Саксонии проведены в 1944 году, а в сорок пятом самолет уже принимал уча-

стие в отчаянной и безнадежной обороне Штутгарта, Ульма, Мюнхена, Инсбрука, Зальцбурга... Последнее слово немецкой военной техники, если не считать «Фау-2». Это было...

Дон ударил по окантовке двери, и внезапная боль в руке прекратила мучительную работу памяти. Он вылез из машины, с третьей попытки захлопнул дверь, отряхнул с руки чешуйки ржавчины и посмотрел на забор.

Он, конечно, не знал, что ему предстоит увидеть. Но то, что ни в одном окне не горел свет, в его расчеты не входило. Было всего только... впрочем, что ж, уже почти одиннадцать. Может быть, дайвер уже спит... Дом с погашенными окнами, купающийся в лунном свете...

Впрочем, с чего бы ему спать? Эрик Халл, судя по всему, полуночник. Во всяком случае, он ни разу не позвонил ему днем – всегда за полночь, и сонный Дон вынужден был выслушивать очередную несвязную теорию о происхождении странного креста.

Можно же просто постучать, решил он. В деревне все так и делают – пришел и постучал.

Дон пошел вдоль забора, ведя, как в детстве, пальцем по штакетнику. Рука наполнилась приятным вибрирующим гулом. Дача построена с большой любовью, машинально отметил он, это видно даже в темноте.

Отодвинул засов и открыл калитку. Калитка с неприятным хрустом проскребля по гравию.

Он прислушался. Где-то вдали все еще был слышен рев

мотоцикла. Из водосточной трубы в бочку падали редкие капли. Наверное, гроза, застигшая его в пути, дошла и сюда... Но сейчас небо было чистым и звездным.

На удивление тепло, подумал Дон, подошел к остекленной веранде и полюбовался своим отражением в лунном свете.

Постучал – тишина. Заглянул в дверное окно. За дверью он разглядел пару сапог, чуть подальше – старинные мурские часы²³ с кукушкой, два плетеных кресла с вышитыми подушками, пара старых сабо. На вешалке – ветровка и вязаный голубой свитер. Рядом – большой плакат с изображением полевых цветов Швеции, и как раз под букетиком незабудок разместилась подставка для зонтов.

Он еще раз постучал – на этот раз не так робко. Теперь Халл не мог его не услышать, даже находясь в другом конце дома.

Дон прислушался. Ни звука, только шепот ветра в кустах крыжовника и капающая в переполненную бочку вода.

Он уже начал соображать, где искать ночлег, но на всякий случай нажал ручку. Дверь со скрипом открылась.

Он постоял в нерешительности на крыльце, потом вошел на веранду. Запах красного вина и догоревших свечей.

– Есть здесь кто-нибудь?

Минутная стрелка на мурских часах с тихим звоночком передвинулась на одно деление.

– Алло?

²³ Настенные часы с маятником, народный промысел в городке Мура.

Дон стоял в темноте, не зная, что предпринять. Не зря же он ехал сюда, в эту чертову даль!

Он подошел к двери рядом с цветочным раем и постучал. Никакого ответа, только еще один звоночек минутной стрелки.

Продолжая окликать невидимого хозяина, Дон прошел через прихожую в гостиную с обитыми розовым плюшем креслами. Дальше был увешанный лоскутными коврами коридорчик с двумя дверями. Он выбрал зеленую, в хуторском стиле, и оказался в довольно большой квадратной комнате с окнами на задний двор. Здесь тоже никого не было. Он повернул назад.

За другой дверью была кухня. На него злобно уставился красный глазок включенной кофеварки.

Значит, дайвер где-то близко. Не мог же он уехать, оставив кофеварку включенной.

На столе бокалы и две бутылки вина. Дон включил фарфоровый светильник над столом – в одной из бутылок осталась примерно половина.

Вдруг он увидел чей-то длинный и тонкий силуэт в окне и вздрогнул. Сердце лихорадочно забилося. Но он тут же сообразил, что это его собственное отражение.

Горбоносый он был всегда – настоящий *jiddische nuz*, еврейский нос, торчащий из физиономии, как сломанная вешалка. Большие летчицкие очки Дон купил несколько лет назад, когда ухудшилось зрение, и примерно тогда же нача-

ли редеть и сесть волосы. Сутулился он еще со школьных лет, а вот когда так исхудал, что кожа на руках пожелтела и сморщилась, он даже припомнить не мог. Вельветовый пиджак мало что скрашивал, наоборот, даже подчеркивал усталую дугу плеч... Единственная деталь его облика, которой он мог гордиться, – новые сапоги от «Др. Мартене», но их в окне видно не было. Старею, необратимо и неуклонно старею, подумал он без особой грусти.

Со стороны холодильника у плиты послышался какой-то звук. У него снова забилося сердце.

Он мгновенно понял, что это всего лишь автоматически включившийся вентилятор, но сердцебиение не унималось. Он знал это состояние – сейчас появятся отвратительная сухость во рту и боль в горле, как при ангине.

Он покопался в сумке и извлек упаковку клоназепама русского производства. Ладно, сгодится. Кинул в рот шесть двухмиллиграммовых таблеток и огляделся, чем бы запить. Подошел к столу, быстро налил стакан вина и опрокинул в рот. Вино имело привкус железа.

С трудом проглотив таблетки, Дон подумал, что его действия вряд ли подходят под определение *chushever mentsh*, приличный человек. Приличный человек не станет пить чужое вино без спроса, как сказала бы Бубе. Но ведь он приехал сюда, на дачу Эрика Халла под Фалуном, не по своей инициативе, его пригласили, мысленно оправдался он.

Дон поставил бокал на стол и прислушался к тиканью

мурских часов. Посмотрел на свои – полдвенадцатого.

Что ж, можно и подождать. Но тогда надо, по крайней мере, включить свет. В коридорчике выключателя он не обнаружил, а вот в большой комнате с зеленой дверью кнопка нашлась мгновенно.

Окна дружно засверкали. Он вздрогнул – в торце комнаты маячила огромная человеческая фигура без головы и ступней. Дон подошел поближе и пощупал – гидрокостюм, холодная резина... или пластмасса... или из чего там их делают. Он мысленно подивился – что за человеком надо быть, чтобы добровольно лезть в лабиринты сотни метров под водой. Сам он и на суше ориентировался с большим трудом.

Он слегка потянул костюм. Дверь, мякнув, отворилась, хотя это и не входило в его намерения.

На постели кто-то лежит... нет, это всего лишь ворох одеял.

Все говорило, что дайвер где-то поблизости, – компьютер включен.

Дон подошел поближе и тронул мышку. На дисплей была выведена статья о кресте Анх в местной газете. На полу – газеты с фотографиями, снимки голых женщин с раздвинутыми ногами, грязная одежда, чашки и стаканы.

Chazershtal, настоящий свинарник.

Он уже хотел выйти, как его взгляд упал на предмет, не особенно вписывающийся в обстановку.

На тумбочке, за бутылкой с джином, стояла старинная фо-

тография в сепии, изображающая... церковь?

Он перешагнул через кучу одежды на полу и дотянулся до снимка.

Нет, это не просто церковь. Скорее кафедральный собор. Три могучих нефа, крест на фасаде, высокая башня с коническим куполом, четыре шпиля поменьше по углам.

Правая половина фотографии поблекла. На булыжной мостовой перед собором – три маленькие нерезкие фигурки. Очевидно, родители с ребенком. Они, скорее всего, попали в кадр случайно. Судя по костюмам прохожих и качеству снимка, фотография очень старая.

Он перевернул снимок. Оказывается, это вовсе и не снимок, а почтовая открытка. Марки и адресата не было. Слева наверху надпись:

La cathédrale Saint Martin d'Ypres

Вместо подписи – отпечаток накрашенных губ. А над почтудеум несколько строк синими чернилами, очень красивым почерком.

La bouche de ma bien aimée Camille Malraux

Le 22 avril

l'homme vindicatif

l'immensité de son désir

les suprêmes adieux

1913

Дон перевернул открытку и всмотрелся в фотографию. Кафедральный собор в Ипре незадолго до войны. И фран-

цузские стихи... двадцать второе апреля 1913 года, любимая женщина... прямо поэма какая-то.

На веранде что-то захрипело и зашипело – Дон подумал поначалу, что наконец-то вернулся Эрик Халл, но нет, это мурские настенные часы собирались с силами, чтобы пробить полночь.

Он похлопал открыткой по ладони. Сколько еще можно ждать?

Дон погасил свет и посмотрел в окно. В небе по-прежнему ярко сияли звезды. На веревке позади дома белели несколько полотенец, чуть подальше, за забором, начинался сосновый лес.

Черт бы его побрал, этот русский клоназепам, – никакого эффекта. Охотнее всего он уселся бы в кресло и подремал. Наверное, все же лучше пойти в машину... влезть в чужой дом и там заснуть – не особенно тактично. *Chushever mentsh* никогда так не поступит. А вдруг ныряльщик объявится среди ночи?

По дороге к машине Дон заметил, что по-прежнему держит в руке открытку с собором в Ипре. Он машинально сунул ее во внутренний карман пиджака, забыв о порванной подкладке. Открытка тут же провалилась в дыру. Он огорченно нащупал ее под подкладкой, в самом низу, выругался, но выуживать ее оттуда в темноте у него было ни сил, ни желания. Полежит под подкладкой до прихода Эрика, ничего с

ней не сделается.

Дон залез в машину, откинул спинку сиденья и задумался. Но как только он прикрыл глаза, к горлу подступила тошнота – определенно, с этим русским клоназепамом что-то не так.

Баранка руля почему-то казалась овальной, хотя он прекрасно знал, что она круглая... и ручку двери удалось нащупать только с третьей попытки.

В машине было очень душно. Пальцы не слушались. Он не столько вылез, сколько вывалился из салона и лег в нелепой позе на траву, пытаясь отдышаться. Ноги быстро онемели и словно наполнились газировкой.

Дон заставил себя встать и несколько шагов сделал почти бессознательно, потому что, когда остановился, обнаружил, что теперь силуэт дачи виднеется где-то наверху, а перед ним в лунном свете змеится тропинка.

Змеится... есть такое слово? Странное, в общем, словцо...

В поисках чего-то, что могло бы облегчить его состояние, он начал копаться в сумке среди конвалюот, баночек и одноразовых шприцов, а «газированные» ноги сами куда-то его несли.

Сосняк становился все гуще. Шершавые стволы обступали его со всех сторон, кроны над головой угрожающе смыкались, словно хотели заключить его в какое-то подобие пещеры.

Первую же таблетку он уронил, попытался найти – но куда

там, в такой темнотище...

Дон закрыл глаза и обессиленно уселся на ковер прошлогодней хвои.

Смогу ли я встать в таком состоянии, безнадежно подумал он. Вряд ли. Грудь сдавило, дыхание стало быстрым и поверхностным, как у собаки.

Он не на шутку испугался. Наугад проглотил несколько таблеток, сам точно не зная, что именно глотает, – и отключился.

Дон открыл глаза и посмотрел в небо. Странно, небо поблекло... разве две минуты назад оно не было совершенно черным? А теперь бежевое, какие-то голубые полосы... неужели уже светает? Не дай бог, ныряльщик застал его в таком виде.

Он сел и ошарашенно огляделся.

И в самом деле – наступило утро. Где-то пел дрозд, между деревьями поблескивала вода. Он прошел несколько шагов вперед. Т-образные мостки, ковер кувшинок... на стойках мостков играют золотистые отблески воды.

Красная клетчатая рубаха на досках. Ныряльщик утонул, пришла ему в голову дурацкая мысль. Пошел купаться и утонул. Иначе как объяснить включенную кофеварку и работающий компьютер? И открытую входную дверь?

Он крикнул что-то и сам удивился – зачем? Неуверенно подошел поближе к мосткам и понял, что кричал не зря: там,

на полянке, кто-то спал нагишом.

Трава вокруг ныряльщика блестела от росы... это же он, ныряльщик? Кому же еще здесь спать? Дон вспомнил бутылки в доме – джин, вино... После такого количества спиртного можно вполне уснуть на травке. Но вокруг крупной головы дайвера росы не было, голова лежала в странной ржаво-красной луже.

Он подошел поближе. Солнце, несмотря на ранний час, светило все ярче.

Никаких сомнений быть не могло, но Дон все равно решил, что это галлюцинация, – левая половина лица дайвера была изуродована, чудовищная рана шла от виска к переносице, через глазницу.

Глаза не было. Наверное, лежит где-то здесь, в грязи, пришла дикая мысль... а может быть, глаз на месте, не поймешь – вся левая половина лица покрыта лепешкой запекшейся крови.

Против воли он подошел поближе и опустился на колени.

Его руки, руки врача-хирурга, потянулись к изуродованной голове покойника, но он тут же согнулся в три погибели, чтобы удержать приступ рвоты. Опять бешено заколотилось сердце.

Дон потянулся к заветной сумке. Нашупав прямоугольную упаковку, вытащил ее из сумки. Но это была не коробочка с лекарствами, это был мобильный телефон. Он нажал кнопку – батарея вот-вот разрядится окончательно. Преодолевая

тошноту, он нащупал три цифры и нажал их почти одновременно: 1–1–2²⁴.

²⁴ 112 – телефон экстренной помощи в Швеции.

11. Сольрёд Странд

В нескольких сантиметрах от фигурных алюминиевых подножек мотоцикла с дикой скоростью летел асфальт Эресундского моста. Елена прижалась грудью к белоснежному бензобаку из углепласта. Она давно попросила укоротить пружины подвески. Управление стало более точным, но при малейшей трещине в асфальте удары колес передавались прямо на тело. Каждый раз ей приходилось немного привставать, чтобы смягчить удары. Это было даже хорошо – такая езда требовала полной сосредоточенности и хоть немного, но отвлекала от навязчивой картины. Но полностью отключиться не удавалось – она видела перед собой обмякшее тело дайвера и заливавшую его лицо кровь.

Если бы бутылка в ее руке была целой, тогда можно было бы найти какое-то оправдание. Можно было бы сказать, что она ударила его в порядке самозащиты, что удар помимо ее воли пришелся в наиболее уязвимое место...

Но все это было не так. Она сама ударом о камень отбила доньшко у бутылки и всадила кинжально-острое стекло в висок дайвера.

Ее преследовал запах его гениталий – он же пытался принудить ее к оральному сексу. Но сам момент удара в памяти не отложился.

Елена с содроганием вспомнила, с каким трудом вытаци-

ла разбитую бутылку из его черепа.

Дальше память становилась фрагментарной – вот она надевает блузку, сапоги... наверное, именно в эти секунды она услышала звук приближающегося автомобиля.

Помнит, как побежала по темной тропинке, помнит удивление, когда обнаружила, что все еще сжимает в руке разбитую бутылку, помнит, как, размахнувшись, забросила ее в кусты...

У самой дачи ее ослепил свет фар. Какая-то машина остановилась у забора и стояла с включенным дальним светом. Никто из нее не выходил. Это было непонятно и страшно, ее охватило отчаяние. Она ни о чем больше не могла думать – только бы не потерять крест.

Елена побежала к роще – там был спрятан мотоцикл. Завернула крест в дождевик и затолкала за пазуху. Мотор взревел, и она унеслась в ночь.

Следующая врезавшаяся в память картинка – синий указатель с надписью «Людвика 16 км». Там она остановилась и зашла в березняк пописать. В голове немного прояснилось. Конечно, это была ошибка – бежать сломя голову, даже не попытавшись выяснить, о каком еще «сюрпризе» говорил дайвер. Но теперь уже поздно об этом думать. Что бы там ни говорили, крест она нашла.

Елена вернулась к мотоциклу, облачилась в кожаный комбинезон, натянула матово-черный интегральный шлем и по-

летела дальше.

До Йончёпинга дорога был пустой. Шведы начали просыпаться, только когда она уже была между Хельсинборгом и Мальме. Елена снизила скорость и подняла голову от бледно-зеленого дисплея. Промелькнули видеокамеры датской таможни.

Наконец она вернулась в Европу.

Проскочив пригороды Копенгагена, она продолжала путь по трассе Е-20 вдоль зеландского берега, свернула, следуя полученным инструкциям, на Гордозавей, потом направо, на Страндвей, и остановилась у последнего в ряду одинаковых кирпичных домов.

Елена сняла шлем и помассировала виски, чтобы избавиться от шума в ушах. Этот шум появился еще на рассвете, и она поначалу решила, что это приглушенный шлемом звук мотора. Но шум продолжался и теперь, когда вокруг было тихо. Он то усиливался, то ослабевал, но избавиться от него полностью не удалось, шум присутствовал все время, будто она, засыпая, слышала убаюкивающий шепот матери.

Крест так и лежал у нее за пазухой. Она расстегнула кожаный комбинезон и пощупала его. Странно, пролежав столько времени на груди, металл был холодным, как лед.

Елена застегнула молнию, уперлась руками в бензобак и соскользнула с седла. На присыпанном песком асфальте остались следы сапог.

Как они и предупреждали, на почтовом ящике была наклейка «DF» в овале, окруженном красными стрелами, – логотип Датской народной партии. Она открыла ящик и достала оттуда конверт.

Слегка увязая в песке, Елена шла вдоль длинного пляжа. Поднялся ветер, на гребнях дюн закружились маленькие песчаные смерчки.

Она задумчиво приложила палец сначала к левому уху, потом к правому, зажала нос и попыталась продуть уши, но шум продолжался. Она не могла припомнить, чтобы ее когда-либо подводили органы чувств. Скорее всего, просто устала.

Убедившись, что никто за ней не наблюдает, она присела в ивняке между дюнами. Посмотрела на поблескивающее море, полосу черных водорослей у линии прибоя и решительно разорвала конверт.

Там были мобильный телефон и бумажка с девятизначным немецким номером. На всякий случай она поставила секундомер, хотя и так прекрасно знала, что абонент прервет разговор в ту же секунду, как истечет оговоренное время.

Пара дребезжащих сигналов – и голос, с самого раннего детства внушавший ей страх:

– *Ja?*

– *Es ist das echte.* Все совпадает.

– *Eine erfreuliche Nachricht, Elena.* Радостная новость, очень хорошо.

– *Aber...* но...

– *Ja?*

– *Es gab eine Abweichung...* Было отклонение от плана...

– *Das wissen wir bereits,* мы уже знаем. Не волнуйся, наши друзья обо всем позаботятся.

Она только сейчас заметила, что сжимает телефон с такой силой, будто хочет его раздавить, и ослабила хватку.

– И еще кое-что...

– Еще кое-что?

– Он нашел еще что-то.

Потрескивание в трубке.

– Елена?

– Да?

– *Jetzt zurück nach Hause.* Немедленно возвращайся домой.

Разговор прервался. Только непрерывный шум ветра и все тот же странный шепот в ушах.

Елена, не торопясь, вынула из телефона аккумулятор. Фатер велел возвращаться домой. Домой... вряд ли она могла определить для себя, что это такое – ДОМ.

Она представила, как *он* повернется к окну, как обозначатся складки у рта... только сейчас она осознала, какую грубую ошибку совершила.

Холод креста на груди...

Она встала и отряхнула песок с кожаного комбинезона.

Мобильник полетел с моста в море, сим-карта – в ближайшую корзину для мусора.

Теперь очень пригодится ее легкий мотоцикл с оппозитным мотором: всего 170 километров до Фленсбурга по ту сторону границы. Дальше автобан E-45 до Гамбурга, а оттуда – в Северный Рейн-Вестфалию.

Все тело болело, даже рука в черной повязке. Ей надо забыть. Забыться в скорости.

12. Допрос

Когда-то здесь был магазин «ЭТА», потом «Темпо», а теперь разместился «Олене». Беременная женщина с коляской успела выскочить из несоразмерно быстро вращающегося турникета.

Перед «Систембулагетом»²⁵ сидит пара скучающих девиц с вызывающе подведенными глазами, очевидно, в ожидании уличного наркоторговца. Они даже не задумываются, насколько тосклива главная торговая улица Фалуна – Осгтан.

Городской район отсюда до церкви Св. Кристины и булыжной мостовой главной площади считается «благородным», но если перейти реку у Рыбной площади, вы попадете в «шахтерский» район, построенный на терриконах более чем столетней давности. Именно здесь, в непосредственной близости от моста, располагается здание полицейского управления.

Строительство вызвало немало протестов в конце шестидесятых – чтобы построить этот неуклюжий бетонный дом, пришлось снести старые бани.

Выпирающий в виде полумесяца фасад выложен узкой, смоляного цвета плиткой, а звукоизолирующие окна закрыты жалюзи, чтобы защититься от утреннего солнца.

²⁵ «Систембулагет» – сеть винных магазинов, государственная монополия.

На втором этаже, в самом конце коридора, – одна из четырех комнат для допросов отдела по борьбе с тяжкими уголовными преступлениями. Растрепанный блокнот, исчерканный небрежным почерком, валяется на фанерованной под березу столешнице.

Рядом с блокнотом – древний магнитофон с нажатой кнопкой записи. В этот момент он записывает разве что тихое жужжанье приточно-вытяжной вентиляции и монотонные щелчки неисправной лампы дневного света – казалось, что лампа никак не может решить, продолжать ли ей светить или лучше уж покончить с этими страданиями, не откладывая.

Сутулый тип в вельветовом пиджаке, больших тонированных очках, с красными от бессонницы глазами бессильно откинулся на спинку обитого черной синтетической тканью стула. Напротив него – неприветливый фалунский полицейский, усатый и с насморком. За последние несколько часов дело не продвинулось ни на шаг.

Усач собрался с мыслями и сделал еще одну попытку:

– Тогда давайте начнем сначала. Почему вы вчера вечером оказались на даче у Эрика Халла?

На этот раз Дон даже не потрудился ответить. Полицейский со всей очевидностью относился к разряду людей, которых Бубе называла *shmendrik* – идиот. Сколько ни объясняй, не поймет.

Вопросы Усач начал задавать сразу, как только полиция в своих лимонно-желтых светоотражающих жилетах окружила злополучные мостки. Может, поначалу Дон отвечал и не особенно внятно (все-таки почти целая упаковка долконтинна), но он повторил свой рассказ столько раз, что продолжение допроса расценил однозначно: правда их почему-то не устраивала.

– Вы что, поспать собрались? – спросил Усач.

Дон снял очки и начал тщательно протирать стекла носовым платком.

Все, что он мог сказать, они уже слышали. Халл пригласил его оценить свою находку – крест, который, как утверждал дайвер, он нашел в затопленной шахте. Этим объясняется множество телефонных разговоров за последнюю неделю – полицейские намертво вцепились в распечатку. Дон даже не думал скрывать, что отхлебнул вина, отсюда и отпечатки его пальцев на бутылке в кухне. Да, он вошел в дом без спроса, но дверь же была открыта, дайвер его ждал, а он приехал издалека... и что, это и есть причина, почему его допрашивают уже несколько часов подряд?

Он снова водрузил на нос свои летчицкие очки, но как-то неловко. Пришлось поморгать, а потом даже и скорчить специально разработанную для этой цели гримасу. Очки соскользнули на привычное место.

– Свидетель отказывается отвечать на вопросы.

Усач опустил голову и начал что-то писать в блокноте сво-

им ужасающим почерком. И опять наступила тишина. Только назойливое жужжание вентиляции и потрескивание лампы...

Наконец Дон не выдержал:

– На чем мы остановились?

Усач поднял на него глаза.

– Если вернуться к исходному пункту... – Дон нашел на засаленном мундире Усача самое крупное жирное пятно и уставился на него, чтобы не потерять нить. – Может быть, вы объясните мне, почему мы до сих пор здесь сидим?

Полицейский хмуро постучал ручкой по столу:

– Потому, что вы позвонили в полицию и сообщили об убийстве...

Дон пнул ногой стол – в том-то и дело! – но полицейский не обратил внимания на его выходку и продолжил гнусавым от насморка голосом:

– Именно вы сообщили об убийстве, выполнили, так сказать, гражданский долг... Но когда мы прибыли на место, вы там сидели по локти в крови...

– Я же уже сказал – я врач, пытался оказать первую помощь....

– ...с сумкой на плече, набитой препаратами, половина из которых классифицируется как наркотики, а другая половина – как мощные транквилизаторы. Далее, вы были в практически невменяемом состоянии, и от вас разило вином. Тем

же самым вином, что и от убитого. В кухне, где вы пьянствовали, на столе два стакана, один из них с отпечатками ваших пальцев. Мало того, мы обнаружили ваши пальцы по всему дому, похоже, вы что-то искали...

– Я не...

– Мы затребовали распечатку ваших телефонных разговоров. И что оказалось? Халл за последнюю неделю несколько раз звонил вам, вы подолгу разговаривали, а в его компьютере – заметки по поводу этого самого крестика. Он пишет, что вы очень им заинтересовались. Мы перевернули всю дачу, но никакого креста не обнаружили. Что бы вы сами подумали на моем месте?

Дон промолчал. Усач тяжело вздохнул, величественно высморгался и начал неторопливо вычищать сопли из усов.
Шмендрик.

Дон закрыл глаза. Росистая трава... он сидит у тела Халла, тупо уставившись на заросли кувшинок.

После полубезумного звонка в полицию он бы сто раз успел отмыть руки от крови и мозгового вещества. Но у него просто не было сил сдвинуться с места, он сидел неподвижно, уставившись на разможенную голову дайвера и мало что соображая от отвращения. Даже звук приближающихся полицейских сирен не мог заставить его подняться. Он решил, что теперь-то сможет отдохнуть, но вместо отдыха его взяли под локти и куда-то повели.

Ноги не слушались. Его проволокли мимо дачи, по тро-

пинке, к забору, где стояла небрежно припаркованная машина с включенной аварийной сигнализацией.

Чья-то тяжелая рука пригнула ему голову, и его втолкнули на заднее сиденье. Там он и увидел впервые этого Усача.

Когда Дон понял, что никто его ответов не слушает, что они продолжают задавать одни и те же вопросы, он отключил внимание и стал смотреть на дорогу.

Из гаража полицейского управления его провели по коридору в комнату, где стояла кровать с полиуретановым матрасом. Он даже и не понял сначала, что это за помещение. Лишь обнаружив, что на внутренней стороне двери нет ручки, он осознал – это тюремная камера.

Дон прилег и попытался задремать. Но едва удалось немного расслабиться, явился Усач еще с каким-то типом. Опять его взяли под руки и потащили по лестнице – в комнату для допросов с этой проклятой мигающей лампой.

Вначале они задавали вопросы по очереди, но напарник Усача быстро устал – извинился и пошел за кофе.

Усач не успокаивался:

– Значит так, Дон... что вы делали на даче у Эрика Халла вчера вечером, кроме того, что глотали ваши таблетки? – Он поставил на стол потертую кожаную сумку и, не сводя глаз с Дона, выгреб оттуда внушительную кучу баночек и ампул. – Итак, у вас здесь... посмотрим... – Руки Усача методично сортировали баночки. – Стезолид, флунитразепам. Без этикетки...

– Я же уже сказал... – Пожалуй, впервые в жизни Дон так наглядно увидел содержимое собственной сумки, и у него пересохло во рту. – Я же уже сказал, – выдавил он. – Я врач...

– Аподорм, кетоган, еще без этикетки... смотрим дальше... Долконтин, ксанор, медиканет, халдол, модиодал, нитразепам, здесь что-то по-русски... фентанил...

– Я имею право выписывать все эти препараты для собственного употребления.

– Спазмифен, риталин, нозинан, дормикум, субутекс...

– Вы можете позвонить в управление здравоохранения и...

– Оксиконтин, собрил, могодон, морфин... еще банка стеволида, безымянная банка с капсулами... эфедрин...

Усач вытряхнул остатки содержимого сумки на стол – образовался внушительный ворох мятых конвалюот и одноразовых шприцев, увенчанный резиновым жгутом.

Он выключил магнитофон. Наступило тягостное молчание.

– Знаете ли... рано или поздно мы найдем бутылку, которой вы раскроили череп Эрика Халла.

Дон отвел глаза от аптечного склада на столе и вцепился левой рукой в правую, чтобы не потянуться к ближайшей коробочке могодона.

Опять сердцебиение... неужели этот чертов полицейский не видит, как ему плохо, как ему трудно дышать? *Jene tsemishung*, сплошная путаница, ну и влип...

И все та же картина перед глазами: изуродованный висок, выпирающая лобная доля мозга, глаз на кровавой ниточке... и слипшаяся от крови трава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.